

18+

Виктор Емский

Шмордонские тайны

Роман

Виктор Емский
Шмордонские тайны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Емский В.

Шмордонские тайны / В. Емский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Продолжение книг "Шмордонские войны" и Шмордонские игры". Герои прежние, истории новые. В этой книге даны ответы на вопросы, возникшие в двух предыдущих. Градус веселья не падает, а растет в противоположную сторону с космической скоростью.

Виктор Емский

Шмордонские тайны

ПРОЛОГ

Звезды не сияли, потому что их не было видно. Казалось, будто звезд вообще не существует. А свет откуда? Отовсюду...

Серые облака клубились вокруг трех стреловидных звездолетов, застывших в пространстве на одной линии, и вокруг не было больше ничего, кроме маленького джабля джапурской постройки, зависшего рядом с последним кораблем.

Свет был тусклым и неживым. Он пробивался сквозь узенькие проходы среди темной материи и освещал звездолеты небольшими резаными сегментами, отчего казалось, будто три застывших корабля покрашены в черно-белую пограничную полоску.

Во всех трех звездолетах хозяйничали маленькие люди. По одному на каждый.

В третьем корабле распоряжался Пец. Он был не выше ста сорока сантиметров от пола, и хотя тело его скрывал скафандр, по стремительной и правильной походке маленького человека можно было заключить, что его низкий рост не связан ни с какой болезнью, а является просто физиологической данностью. Шлем, болтавшийся на спине Печа, подтверждал это предположение полностью, так как голова, торчавшая из скафандра, была самой обычной человеческой головой, соразмерной с телом.

Пец, быстро идя по одному из коридоров корабля, бубнил себе под нос:

– Так, не забыть проверить вакцину...

Он зашел в капитанскую рубку, пощелкал какими-то тумблерами на приборной доске, и, нажав у себя на шее клавишу ларингофона, произнес:

– Я Пец. Нахожусь в рубке. Указания?!

– Проверил вакцину? – прозвучал где-то сзади (в шлеме) вопрос.

– Нет еще, – ответил Пец. – На выходе проверю.

– Ну и дурак, – констатировал шлем. – Пока будешь проверять, корабль стартанет, и отправишься ты в Шмордон! Там как раз шутов при дворе не хватает...

– Не надо ля-ля! – воскликнул Пец. – Я все успею!

– Ну-ну! – отозвался шлем. – Через десять минут старт. Включай таймер!

– Включил, – доложил Пец, щелкая нужным тумблером на панели управления звездолетом. – Все, двигатели запущены. Через девять минут тронется...

– Давай быстрее! – подстегнул его шлем. – Твои товарищи уже погрузились в боты и отправились к джаблю.

– Понял, направляюсь, – ответил Пец и, выскочив из рубки, побежал по коридору.

Он на ходу надел шлем на голову, защелкнул его крепления, и, забежав в медицинский блок, проверил вакцину.

Она лежала на стальном столике, упакованная в два разных блока.

На первом была наклейка со следующей надписью по-шмордонски:

«Для пробуждения команды необходимо использовать вакцину внутривенно. Количество доз – 300 штук».

В большой коробке, стоявшей на столе, находилось именно триста одноразовых шприцов, наполненных необходимой жидкостью.

Малая коробка имела надпись совсем другого характера.

«Для военных. Если вы промазали мимо вены – воспользуйтесь резервными шприцами».

Малая коробка хранила половину шприцов от количества первой, из чего следовал простой логический вывод: шмордонские военные врачи не могут промазать все триста раз.

Пец, решив, что все в порядке, побежал к шлюзовой камере. Но по пути (на всякий случай) заглянул в один из кубриков, где расположились шмордонские солдаты.

Они лежали в своих многоярусных койках и тихо сопели во сне. К каждой кровати секции был прикреплен пластиковый баллон с жидкостью, от которого расходились прозрачные резиновые трубки, питавшие глюкозой шмордонских воинов, прибывших покорять неизвестный мир.

Убедившись в том, что солдаты чувствуют себя нормально, Пец понесся дальше по коридору, и все-таки завернул в элитные апартаменты, где на двуспальной кровати покоился банкир Крокозябл.

Собравшись, что у банкира все в порядке и личная банка с глюкозой функционирует правильно, Пец продолжил путь в сторону шлюзового ангара. Запрыгнув в спасательный бот, он нажал нужную кнопку, и вынесся на нем в космос. Направив спасательное средство в сторону джабля, Пец доложил:

– Все. Я уже рядом.

– Молодец, – ответили ему. – Вы, пуцлики, как орлы. Пнешь сильнее – полетите подальше!

– Кто бы говорил! – возмутился Пец. – Вы, люди, вообще работать не умеете! Вам бы только пьянствовать и валяться на диване перед телевизором.

– Ладно-ладно, – донеслось в ответ. – Давай шустрее. Одного тебя ждем.

Бот Печа подлетел к джаблю, и приемное устройство затянуло его в шлюзовый отсек.

В это время первый из шмордонских кораблей начал движение. Два других звездолета медленно тронулись за ним, вытянувшись в четкую кильватерную линию. Скорость истребителей постепенно возрастала и через несколько минут они скрылись за одним из облаков темной материи. Джабль развернулся и полетел в противоположную сторону.

ШМОРДОН. ШМОРА

Император Шмор Тринадцатый строго смотрел на дона Кренделя.

– Что-то я не могу понять, – сказал он. – Каким боком нам выходит договор с Джаппурией на поставку джаблей для Звездного Флота? Они прислали нам целых три корабля, в которых работают только туалеты. Ну, понятное дело, двигатели работают тоже, но с большими оговорками. Два из трех джаблей, отправленных в автоматическом режиме, заглохли на полпути, и пришлось направлять к ним наши челноки для ремонта! Более того – джабли ржавые!

– Ваше величество, – ответил на это дон Крендель. – Вы задаете вопросы не по рангу. Убить кого-либо, взорвать или на худой конец переломать руки и ноги – это ко мне. Ну, разведать самые страшные тайны, а еще лучше диверсию организовать – тоже мой профиль, ведь недаром вы назначили меня начальником имперской разведки. Но по поводу каких-то договоров – увольте, не мое это дело.

– Хорошо, – согласился Шмор. – Посольство Джаппурии прибыло?

– Да, – кивнул головой Крендель. – В том же составе, что и в прошлый раз, только должности изменились. Да еще с ними какой-то Кебаб без документов...

– Ну, это в порядке вещей. Не обращайтесь внимания. У них всегда так: или документы забудут или голову пропьют. Я надеюсь, вы не арестовали Кебаба?

– Нет, но из джабля не выпустили. А все остальные джаппурцы доставлены в то же здание, что и в прошлый раз.

– Пошлите за Кебабом мой личный шморовоз. Пусть водитель отвезет его к своим товарищам. Только передайте водителю, чтоб за руль джаппурца не пускал.

– Будет сделано, – сказал дон Крендель.

– Есть известия из Кукареллы?

– Там что-то происходит, но полных данных пока нет. В Тарахтуне случилась Великая Буржуйская Революция. Президент Бендекс поднял рабочих, и те вышвырнули оранжевых коммуналистов с планеты вон. В этих событиях участвовал наш контр-адмирал Гундбс, находившийся в коммунальном плену. Бендекс вышел на связь с Дырой и попросил у Звездного Флота помощи. Контр-адмирал Бамбукер, командующий эскадрой, расположенной там, связался с лордом Надолбом и тот дал добро на проведение операции. Наши корабли разогнали лоханки кукарелльцев, и Тарахтун оказался под прикрытием Шмордона. Туда отправился Министр Иностранных Дел маркиз Занудерс. Он изучит ситуацию и в зависимости от нее составит договор. В любом случае Тарахтун станет частью Шмордонской империи, ваше величество. По моему приказу в Шмору доставлен граф Гундос. Он сейчас пишет отчет, из которого станет ясно, что собой представляет эта коммунальная Кукарелла.

– О Филере что-нибудь слышно? – спросил Шмор.

– Как вам сказать, – дон Крендель хитро улыбнулся. – Наши корабли захватили несколько кукарелльских судов. Пленные ассенизаторы туманно рассказывают о появлении в Совете Коммуналистов Кукареллы (это у них высший орган власти) какого-то нового человека. Его должность называется «Главный Военспец». И еще они говорят об очередном перевороте у шавелл. Вроде как одна группа революционеров не поделила власть с другой. Эти два факта довольно удачно складываются в один и пахнут – сами знаете кем.

– А вы не пробовали заслать туда шпионов?

– Именно этим я сейчас и занимаюсь, ваше величество.

– Передайте через своих шпионов шавеллам, что за выдачу живого Филера я дам миллион золотых бабосов. А за мертвого... ничего не дам! Он мне живым нужен.

Крендель молча кивнул головой.

– Да, вот еще что! – вспомнил император. – Про Джаппурию не забывайте. Лорд Крокозябл докладывает, что с нашими шпионами происходят обычные вещи! То сдаются, то проваливаются. Даже последняя партия, поехавшая в Джаппурию как обычные отдыхающие, полностью переловлена на пляжах планеты Сочи. Направляйте их в следующий раз на планету Дубарь. Пусть хоть на лыжах выучатся ездить, если шпионить не умеют...

– Работаем, – коротко сказал дон.

– О Крокозябле-старшем есть известия?

– Пока нет.

– Бес его дернул отправиться на разведку со столь малыми силами!

– В этом моей вины нет, – сказал Крендель.

– Да знаю, знаю... Говорите, в области Черной туманности есть жизнь?

– Полностью информацией не владею, потому что подслушать разговор Филера с Крокозяблом мне удалось лишь вполуха. Но отправиться в этот сектор, конечно, стоило. По мнению барона – Джаппурия управляется оттуда. То ли посредством выращивания с малых лет будущих министров, то ли как-то еще.

– Пошлите по пути банкира экспедицию. Только маленькую, незаметную...

– Может, использовать для этой цели три джаппурских джабля, поставленных недавно?

– Ни в коем случае! – воскликнул Шмор. – Это не корабли, а лоханки! Они развалятся на старте. Отправьте туда пару обычных челноков.

– Будет сделано, – сказал дон Крендель. – Разрешите идти?

– Да. И скажите графу Вискерсу: пусть вызовет джаппурского посла. Я дам ему аудиенцию через два часа.

– Слушаюсь, – сказал Крендель, направляясь к двери.

Шмор бросил ему вдогонку:

– И прекратите слушать вполуха! Если у вас их два, надо пользоваться обоими. Никакого профессионализма!

Крендель, вздрогнув, не обернулся, а лишь ускорил свои шаги.

– Ну вот, – сказал Батон, ставя свой чемодан на пол. – Опять мы в гадюшнике!

– В этот раз условия лучше, – заметил Хапс, оглядывая гостиную.

Меблировка была хороша. Стол, диваны и кресла сияли новизной и дороговизной. На стене висел шморовизор с гигантской плазменной панелью.

– Император о нас позаботился, – сказал Джем. – Наши межгосударственные отношения чудесны!

– Еще бы! – согласился Хапс.

– Апартаменты наверняка напичканы подслушивающими устройствами, – сообщил Отжим.

– Вот и займись этим вопросом, – предложил ему Джем.

– В мои обязанности такая работа не входит, – пояснил Отжим. – Я – атташе!

– Да-а? – удивленно протянул Джем, поворачиваясь к нему лицом.

– Попрошу без рук! – крикнул Отжим, отскакивая к стене.

– Нужен ты мне больно, – ответил на это Джем. – Так, располагаемся в комнатах и после этого собираемся в гостиной. Посмотрим шмордонские новости. Я думаю, что скоро нам позвонят... А если не позвонят, пойдем в ресторан. Надо отпраздновать прибытие.

– Как быть с Кебабом? – поинтересовался Батон.

– Никак, – ответил Джем. – Императору наверняка уже доложили о нашем прибытии. Скорее всего, он распорядится доставить Кебаба сюда, как и в прошлый раз.

– И колонну танков пошлет на красный свет, – предположил Хапс.

Все, кроме Отжима, дружно рассмеялись.

– В этот раз вряд ли Кебаб наступит на старые грабли, – сказал Джем. – По крайней мере – я на это надеюсь...

Джаппурцы разошлись устраиваться.

Комната посла была той же, но мебель стала дороже. Правда – состояла она из большой двуспальной кровати, кресла и шкафов, которые были по своему шмордонскому обыкновению совершенно пустыми. Джем подошел к окну и взглянул на площадь.

Все было на месте: надувной ангар, внутри которого строился памятник Шмору Двенадцатому, стальная бомба Шмора Великого и гвардейцы, охраняющие ее. И опять в бомбе кто-то сидел, потому что из зарешеченного окошка торчала самая натуральная борода.

К окошку подошел прежний пузатый дворник, в котором Джем узнал маркиза Шухера, и сунул туда металлическую фляжку. Сосуд исчез внутри бомбы и борода зашевелилась. Спустя минуту фляжка выдвинулась из окна, и Шухер спрятал ее в кармане своей фуфайки.

Эмблема шмороглота на бомбе блестела не золотом, а серебром. Гвардейцы караула, поглядывая на герб, презрительно плевались в брусчатку площади, из чего следовал вывод: герб покрасили серебрянкой, и потому лизать его стало не интересно...

В комнате появился Батон.

– Все так же, как и было, – сообщил он. – Везде пустые шкафы.

Джем подошел к одной из стен, открыл первый попавшийся шкаф и нажал рукой правый верхний угол задней стенки. Панель тут же уехала в сторону и глазам джаппурцев представилась узкая лестница, ведущая вниз. Но самое интересное – она не была пустой. На верхней ступеньке в метре от Джема стоял невзрачный человек в сером плаще и, моргая, удивленно таращился на джаппурского посла.

– Ты кто? – совершенно не удивившись, спросил его Джем по-шмордонски.

– Агент Хмырь, – ответил тот и зачем-то отдал честь.

Он хотел еще что-то сказать, но не успел, так как Джем врезал ему кулаком в глаз. Агент Хмырь, мелькнув в воздухе форменными сапогами, улетел по лестнице вниз, а Джем нажал на уголок отъехавшей панели, и она мягко встала на место, явив взору привычную заднюю стенку шкафа.

– Совсем обнаглели, – заметил Батон.

– Не то слово! – поддержал его Джем, потирая кулак.

– Может, надо проверить и остальные шкафы?

– Я думаю – не стоит. Если в каждом из них мы обнаружим по шпиону, у нас кулаки отвалятся. Ну их всех к черту! Давай лучше пойдем вниз и послушаем, что они говорят в новостях.

Батон с Джемом вышли из комнаты и спустились по лестнице в гостиную.

Включив шморовизор, они удобно расположились на диванах и принялись слушать новости. Информационная программа называлась: «Свисток Шмордона». Солидный диктор рассказывал:

– Лорд Пэндрол побывал с проверкой в Седьмой танковой дивизии и дал ее командованию ряд ценных указаний, отчего боеготовность войск сразу повысилась...

На экране возник лопухий юнец в мундире, который что-то гневно кричал офицерам, застывшим перед ним в строевой стойке.

– Да это же Шмореныш! – удивленно воскликнул Батон.

– Действительно, – согласился с ним Джем. – Выходит, император дал своему брату титул и тем самым слегка отодвинул его от престола.

– Все равно, пока Шмор не женится и не заведет детей, это чучело остается наследником, – заметил Батон.

На экране тем временем офицеры разбежались в разные стороны, и камера показала колонну танков, выходящую из ворот военного парка.

– Седьмая танковая дивизия начала учения, – сообщил диктор. – Внимание! Будьте осторожны на дорогах!

– Интересно, как там Кебаб? – встревоженно поинтересовался Джем.

– Ты думаешь, его уже выпустили из джабля и решили привезти в посольство? – спросил Батон.

– Да бог его знает, – ответил Джем.

И в этот момент зазвонил вдруг проводной шморофонный аппарат, стоявший в гостиной на специальной тумбочке.

Джем, переглянувшись с Батоном, пошел к трубке, говоря на ходу:

– Ну вот наконец о нас и вспомнили! Пойду, послушаю, что скажут.

Трубка не кричала «алло», «да», или что-нибудь в этом роде. Трубка по-чиновничьи многозначительно молчала. Джем взял ее и вслушался в мир шморофонной связи, который был богат по-своему.

Сначала он уловил мотив какой-то тоскливой песни, бередящей его существо, потом кто-то непонятно рявкнул: «Какого ты кренделя в душу!», и вслед за этим раздался знакомый голос графа Вискерса, спросивший:

– Алло, Джем, это вы?

От этого простого вопроса сердце Джема вдруг успокоилось, и он ответил:

– А кого вы ждали?

– Только вас, – ответил Вискерс.

– Ну, значит, дождались.

– Чудесенько, – сказал Вискерс. – Вам необходимо быть в Железном Дворце через час, поскольку аудиенцию назначил император. Но, учитывая ваше близкое ко двору расположение, попрошу явиться за полчаса до официальной церемонии.

– Зачем? – поинтересовался Джем.

– Затем, что мне из имени прислали обалденный коньяк двадцатилетней выдержки. Я его, конечно, уже попробовал, но отнюдь не желаю, чтобы вы перед аудиенцией были трезвы.

– Спасибо! – воскликнул Джем, рассмеявшись. – Немедленно становлюсь на лыжи!

– Не понял, – ответил Вискерс.

– Ну, в смысле, выдвигаюсь со скоростью лыжника!

– Ах, да, – ответил Вискерс. – Всю жизнь мечтал побывать на вашей лыжной планете Дубаре. Но все никак не удавалось.

– Ничего, – добродушно ответил Джем. – Когда-нибудь побываете. Выпишу вам визу без очереди...

– Машину выслать за вами?

– Не стоит. Здесь идти всего триста метров.

– Жду вас, – сказал Вискерс и трубка смолкла.

– Я пойду с вами! – раздался вдруг голос с верхних ступенек лестницы.

Джем поднял голову и увидел торопливо спускающегося Отжима.

– Аудиенция назначена мне, поскольку я посол, – сообщил ему Джем. – Ни о каких «отжимах» речь в телефонограмме не шла!

– Ничего страшного, – ответил Отжим. – У меня есть личное послание Премьер-министра Морса к императору. Вот как раз сегодня я ему это письмо и передам.

Джем, пожав плечами, сказал, обращаясь к Батону:

– Какая-то закулисная дипломатия. Императору передают письма, а посол не знает, о чем в них идет речь. Зачем тогда этот самый посол нужен?

– Сейчас мы все исправим, – пообещал Батон, вставая с дивана.

Он быстрыми шагами направился к Отжиму.

– Не понял, – успел сказать последний, резко бледнея.

Батон, схватив Отжима за локоть, в одну секунду заломал ему руку за спину.

– Ай! – крикнул атташе.

– Где письмо? – поинтересовался Батон, усиливая давление.

– Не скажу! – ответил Отжим. – Ой!

– Сейчас сами найдем, – произнес Джем, принявшись обыскивать атташе, застывшего в позе пикирующей ласточки.

– Я буду жаловаться! – взвизгнул Отжим.

– Кому? – поинтересовался Джем, продолжая бегло работать руками. – Мне, раз я посол? Жалуйся. Ну, можно еще императору Шмордона настучать. Он хоть посмеется всласть... Ура! Нашел!

Джем держал в руках белый бумажный конверт.

Батон отпустил руку Отжима и выдал тому пинок под зад, отчего несчастный атташе на приличной скорости устремился к ближайшему дивану, которым тут же и воспользовался, растянувшись на нем в вольной позе.

– Заклеен, сволочь, – сообщил Джем, разрывая конверт сбоку.

– Что вы наделали! – донеслось с дивана. – Как я теперь стану его вручать?

– Во вскрытом состоянии, – обнадежил его Джем, доставая листок, исписанный мелким почерком. – От целостности конверта смысл написанного не изменится.

Он развернул письмо и принялся читать его вслух.

– Ваше величество! – официальным голосом начал Джем. – Я надеюсь, Вы не забыли своего обещания, данного мне в устной форме во время бала. Речь идет о помощи, которую Вы решили оказать Джаппурии в подготовке профессионалов для разведки и контрразведки. Податель сего письма – первый представитель организованных нами спецслужб. Его имя Отжим. Он надежный и грамотный чиновник. Поскольку Джем, официально направленный к

Вам в роли посла, отличается психической непредсказуемостью и скверным нравом, прошу Вас держать связь со мной через Отжима, а Джем пусть выступает в роли офисной мебели. С уважением, Морс.

– Фью-ю-ю! – удивленно присвистнул Батон.

– Поняли, кто здесь начальник?! – гневно выкрикнул Отжим, вскакивая с дивана.

– А это ты видел? – Джем показал ему кулак.

Отжим молча уселся на прежнее место.

Джем быстро изорвал письмо Морса в клочья и подбросил в воздух. В гостиной пошел бумажный снег.

– Ай! – крикнул Отжим.

Он слез с дивана, упал на колени и принялся собирать обрывки бумаги, ползая по полу.

– Ты идешь со мной или будешь и дальше работать уборщиком? – поинтересовался Джем, направляясь к выходу из гостиной. – Смотри, не опоздай на аудиенцию.

Отжим со стоном вскочил на ноги и, отряхнув руками колени, побежал догонять посла.

Коньяк действительно был хорошим. Джем с Вискерсом выпивали как раз по третьей рюмке, когда дверь приемной вдруг распахнулась, и через комнату вихрем пронесся Шмореныш.

– Алкоголики! – негодуя крикнул он на бегу и хлопнул дверью императорского кабинета.

Вискерс, не обратив на это явление никакого внимания, налил по четвертой. Сидевший в углу кабинета Отжим заметил:

– Никакого порядка у вас в Шмордоне нет. В прошлый раз чуть императора не пропили. А что пропете сейчас?

– Ты не пьешь? – спросил у него Джем. – Тогда закрой свою пасть и не мешай нам.

– Я никогда не пью на работе! – важно сообщил Отжим.

– Ну, граф, ваше здоровье! – поднял рюмку Джем.

– Спасибо, – поблагодарил Вискерс, чокаясь с посланцем...

Шмореныш, влетев в кабинет императора как пуля, рухнул в кресло и заявил:

– Отец! Тьфу... то есть брат! Мне не нравится этот титул! Пендрол! Фу! Я не желаю его носить!

– Почему? – удивился Шмор. – Так называется наше родовое имение. Из него вышли все Шморы, включая Великого.

– Ну и что? – негодуя спросил Шмореныш. – От этого названия веет каким-то нехорошим запахом. А если б наше имение называлось Дристоном, то что? Я бы носил титул лорда Дристана?!

– Нет, что ты, – Шмор еле сдержал улыбку. – Но Пендрол с древне-шморского диалекта переводится как «Рыцарская крепость». По-моему, ничего обидного в этом выражении нет.

– Тогда почему все вокруг смеются у меня за спиной?

– Мне кажется, что смеются они не над титулом, а над твоими поступками.

– Да-а? – протянул Шмореныш и ненадолго задумался.

– Сынок... брат мой, – сказал Шмор. – Не торопись жить. У тебя впереди еще много времени. Прежде, чем что-нибудь сделать – подумай. И все начнет получаться.

Шмореныш, очнувшись от раздумий, взглянул на Шмора и вдруг глаза его наполнились слезами.

– Послушай, – громко прошептал он. – Может, есть способ вернуть все назад? Может, существует вариант, где я опять стану сыном, а ты будешь заботливым отцом?..

Он вдруг испуганно замер и тут же, встряхнувшись, продолжил горячечно шептать:

– Я обещаю тебе... Я клянусь... Я во всем буду слушаться тебя! Ведь ты мой отец... Как я раньше этого не понимал?.. Ну?! Скажи, ведь это возможно?!

Шмор, печально улыбнувшись, уселся в кресло и сказал:

– Я сам бы этого хотел. Но мы не властны над памятью... Ты помнишь, что я настоял на проведении всех генетических исследований? Мы с тобой присутствовали на каждой медицинской процедуре, связанной с этим. И ты убедился, что приходишься мне братом, а я занимаю престол на совершенно законных основаниях. И куда теперь девать это знание?

По щеке Шмореньша потекла слеза.

– Правда – жуткая штука, – продолжил Шмор, отведя глаза от воспаленного лица своего брата. – Иной раз ее лучше не знать. Но если узнал – все! Она как гвоздь будет торчать в мозгу, и никуда от нее не денешься!

– Но хоть как-то можно это исправить? – через всхлип спросил бывший наследник.

– Ты не представляешь, как мне хочется того же! – вскричал Шмор, вскакивая с кресла.

Он начал ходить по кабинету широкими шагами.

– Я всегда знал эту бесову правду! Но ты был для меня сыном! Самым дорогим человеком на свете, поскольку никого больше не осталось... И я хотел дать тебе все, что не имел сам: любовь, заботу, счастливое детство... И что получилось?! Ты стал гонять меня как зверя! Ты объявил меня узурпатором! Ты наплевал на мою любовь!..

Шмореньш, резко встав, крикнул:

– Отец, я недостоин жизни! Привяжи меня к гусенице танка и дай ему команду: «Вперед!» Я не опозорю тебя! Я умру как воин!

– Ага! – сказал Шмор, в секунду лишившись прежнего пафосного настроения.

Он быстро подошел к Шмореньшу, и сходу влепил ему мощную оплеуху, отчего тот опять уселся в кресло.

– Ну как? – тут же поинтересовался Шмор. – Мозг включился?

– Да, – ответил наследник, удивленно хлопая ресницами. – Ох, и мерзавец же этот Филер!

– Слава богу! – воскликнул Шмор. – Прозрел...

Шмореньш, встряхнувшись, вытер пальцами слезы и сказал:

– Да. Мы с тобой теперь будем жить в разных вселенных. Я – в мире безотцовщины, а ты в галактике мести. И что потом? Что дальше?

Шмор, отойдя к окну, промолчал.

– Хорошо, – произнес Шмореньш каким-то повзрослевшим голосом. – Пусть я буду лордом Пендролом. Но у меня остался всего один близкий человек – мой дедушка.

– А меня ты уже близким не считаешь? – спросил Шмор, не оборачиваясь.

– Считаю, – ответил Шмореньш, но как-то невнятно. – Прошу тебя, верни его!

– Да ничего с ним не будет! – с досадой в голосе ответил Шмор. – Вон, лорд Надолб посидел комендантом общежития в Дыре – великим стратегом стал. Щелкает вражеские флоты – как орехи! И Хлебазл тоже! Пусть посидит, может, хоть спать на заседаниях разучится. Кстати, я даже на его должность никого нового не назначил...

– А как же тогда Министерство Имперской Безопасности функционирует, если начальника нет? – удивился Шмореньш.

– Как обычно, – ответил ему Шмор. – Любое министерство – заведенная машина. Есть начальник, нет его – оно все равно продолжает работать.

– Понятно. Я готов занять место моего деда.

– Ну уж нет! – живо отозвался Шмор. – Только этого мне не хватало!

– Тогда я пошел.

– Подожди. Сейчас сюда войдет посол Джаппурии...

– Этот мерзавец Джем, который, не успев появиться, уже пьет в приемной с Вискерсом?!

– Дурак! Он тебя от плена спас!

– Во-первых: он враг Шмордона! А во-вторых: один раз взял в плен – второй раз спас! Один-один, и потому я ему ничего не должен.

– Ну и что? Вчера враг – сегодня друг. А завтра...

– Я не желаю с ним общаться!

– Сейчас я тебе выдам!

– Вот так всегда! Это называется воспитанием? Не надо!

– Надо, лорд Пендрол! Ой, как надо!..

Но здесь дверь открылась, и раздался голос графа Вискерса:

– Посол Джаппурии Джек Баламут и атташе Отжим Чтоплохолежим!

Оба брата в эту секунду стояли друг перед другом, застыв в напряжении. Они повернули головы к Вискерсу, и хором спросили:

– Кто-кто?!

– Атташе, – повторил граф.

В кабинет вошли Джем и Отжим. Первый радушно улыбался, а второй надулся от важности.

Шмореныш скривился лицом и уселся в кресло, а Шмор без церемоний поздоровался с Джемом за руку.

– Рад приветствовать вас! – воскликнул император.

– У меня те же чувства, – ответил Джем.

– Да? – не поверил Шмор. – А что «это» делает здесь?

Он ткнул в сторону Отжима пальцем, как будто указывал на неодушевленный предмет.

– К сожалению, он сам увязался за мной, – пояснил Джем. – Его назначили военным атташе при посольстве Джаппурии. Должность эта новая и статус ее пока не определен, потому я сам не знаю, что с ним делать.

– Постойте, но атташе имеет отношение к военному ведомству. Насколько я знаю, в Джаппурии такого министерства нет...

– Уже есть, – сказал Джем. – И называется оно: «Министерство обороны».

– Хи-хи! – раздался визгливый смешок.

Шмор и Джем повернули на звук головы и увидели, что смеется Шмореныш.

– Ой, не могу! – воскликнул лорд Пендрол. – В королевстве жуликов и каторжников появилась армия! Чем она будет заниматься? Грабить жуликов и охранять каторжников?

Шмор посмотрел в слегка хмельные глаза Джема и заметил:

– Устами младенца глаголет истина.

– Я не младенец! – вскочил на ноги Шмореныш. – Но все равно – я прав!

– Ваше высочество... – Попытался сказать что-либо Джем.

– Я уже не высочество! – с отвращением заявил Шмореныш. – Я уже лорд Пендрол.

– С чем вас и поздравляю! – с улыбкой произнес Джем.

– Спасибо! – со злостью в голосе ответил Шмореныш, вскакивая. – Прощайте!

Он, гордо печатая шаг, вышел из кабинета.

Шмор, внимательно посмотрев на Отжима, заметил:

– Как-то непривычно видеть его без очков. Стекланные они или гематомные – все равно. Какой-то он голый без них...

– Исправим, – пообещал Джем, зачем-то потеряв кулаки.

– По радиосвязи был получен сигнал, что у вас имеется ко мне личное послание от Премьер-министра Морса, – обратился император к атташе.

Отжим уже надул грудь, чтобы настучать, но Джем, перебив его, пояснил:

– Этот растяпа, – он показал на атташе пальцем, – пролил на послание чесночный соус и оно испортилось. Ни одной буквы различить нельзя!

Отжим от такой наглости запыхтел, как чайник.

– Но я знаю, о чем там говорилось, – продолжил Джем. – Морс, ссылаясь на обещание, которое вы дали ему во время бала, просит обучить Отжима ловле шпионов, благо у вас в Шмордоне есть для этого специалисты.

Император понимающе кивнул и вопросительно взглянул на Вискерса, молча стоявшего в дверях.

– Ваше величество, – тут же подключился к беседе граф. – Лучшим специалистом в этом вопросе является лорд Хлебазл.

– Да, – согласился Шмор. – Вот только...

– Только сейчас он занят как раз по своей специальности.

– Да? – удивился император.

– Так точно. На базе Звездного Флота, которая называется Дырой, он организывает развертывание агентурной сети для поимки кукарелльских шпионов.

– Вот-вот, – улыбнулся Шмор. – Вискерс, отправьте господина Отжима на дежурный челнок «Быстрый», который крутится на орбите Шморы, и дайте команду его капитану доставить сего Отжима в Дыру. После этого пошлите распоряжение контр-адмиралу Бамбукеру, командующему там эскадрой, передать нашего дорогого гостя в распоряжение лорда Хлебазла. Да! И пусть поселит их вместе.

– Когда, ваше величество? – поинтересовался Вискерс.

– Немедленно! – приказал Шмор. – Человеческая жизнь коротка. Поэтому нечего время терять. Контрразведка – сложная наука. Чем раньше начать ее изучение, тем больше можно узнать.

Граф Вискерс немедленно приступил к действиям. Крепко схватив атташе за локоть, он развернул того лицом к двери и мягко, но настойчиво поволок к выходу из кабинета. Очнувшись на пороге приемной, Отжим громко спросил:

– Постойте, но как же мои личные вещи?

Граф дернул его сильней, оба они скрылись в приемной, и уже оттуда долетел ответ Вискерса.

– Контрразведчику личные вещи не нужны, – пояснил он. – Контрразведчику нужны лишь горячее сердце, пытливый ум и кровавые руки!

Дверь императорского кабинета захлопнулась, оставив Джема наедине со Шмором.

– Спасибо, – поблагодарил Джем.

– Даже не вспоминайте об этом пустяке, – махнул рукой Шмор. – Присаживайтесь в любое удобное место.

Сам император уселся за стол, и Джем расположился напротив него.

– Итак, – начал император, – сначала о приятном, потом о делах... Завтра приглашаю вас вместе со всем штатом посольства на торжественное открытие памятника моему отцу Шмору Двенадцатому, которое состоится в десять часов утра. На трибуне почетных гостей приготовлены места и для вас. Сначала состоится открытие, потом парад.

– Благодарю за оказанную нам честь, – кивнул головой Джем.

– Это жест доброй воли, – продолжил император. – Но на трибунах вам находиться незначительно.

– Как так? Ведь вы только что сами нас пригласили... – Оторопел Джем.

– Пригласил, конечно, – ничуть не смутился император. – Вы что, испытываете желание быть растерзанным толпой военных? Я вижу – не хотите. Как можно допустить на праздничную трибуну тех, кто явился причиной смерти Шмора Двенадцатого?! Ведь именно вы, Джем, руководили операцией по его пленению! Потому предлагаю штату джапшурского посольства посмотреть церемонию открытия монумента через окна здания, в котором вы живете, благо они выходят как раз на площадь.

– Мы бы и так смогли посмотреть на эту церемонию, – заявил Джем. – Даже без вашего приглашения.

– Не смогли бы, – ответил Шмор. – Окна посольства были бы заколочены деревянными щитами. И это в лучшем случае. А в худшем – в вашу спальню на втором этаже залетел бы вдруг шальной снаряд, выпущенный из гаубицы, тренирующейся на каком-нибудь полигоне. Я, естественно, император, но над спонтанными вспышками народного гнева не властен. Бывает – даже вздохнуть не успеешь, а уже приходится вызывать медиков. Но, как правило, становится уже поздно.

– Спасибо и на этом, – сказал Джем, жалея, что он сидит на стуле в кабинете императора, а не графа Вискерса, у которого было бы во сто крат веселее находиться в любое время суток: хоть на стуле – хоть под столом.

Ему пришло в голову, что Шмордон, спасенный недавно от дворцового переворота, все равно остается глубоко враждебной силой и представляет для Джаппурии угрозу. И Шмор, вернувшийся на престол благодаря помощи Джема и его друзей, хоть и является человеком, испытывающим благодарность, но в первую очередь продолжает оставаться императором Шмордона со всеми вытекающими из этого вывода последствиями...

Шмор, вздохнув, продолжил:

– А теперь к делу. По условиям договора, подписанного нами, Джаппурия обещала в течение трех лет поставить Звездному Флоту Шмордона триста джаблей первого и второго классов. Несколько дней назад три из них в автоматическом режиме прибыли к Шморе. Это бес знает что!

– В чем проблема? – поинтересовался Джем.

– Это лоханки!

– А какого они класса? Первого или второго?

– По-моему, второго...

– Тогда все в порядке.

– А?!

– Второй класс присваивается джаблям, которые сошли с конвейера бракованными. Такие корабли используются как склады запчастей для ремонта джаблей первого класса.

– Но нам об этом никто ничего не сказал! – возмущению императора не было предела.

– Глаза видели, что брали? – поинтересовался Джем.

– Но мои чиновники подписывали все договоры во время бала! Они рассчитывали на элементарную порядочность в делах, свойственную всем торговцам галактики!

– Сами виноваты, – развел руками Джем. – Нечего было покупать кота в мешке. Кстати, ничего страшного не случилось. Джабли первого класса (вы заказали их сто штук) тоже ломаются. Получается: на один корабль у вас будет приходиться по два склада с запчастями. Ремонтируй – сколько хочешь! Таким образом срок эксплуатации первой сотни сильно увеличивается.

Шмор, не говоря ни слова, мрачно смотрел на Джема.

– Что-то не так? – поинтересовался джаппурский посол.

– Все не так, – наконец смог сказать император. – Большинство моих подданных были уверены, что джаппурцы – поголовно жулики. Я в этом сомневался. Теперь же мои сомнения улетучились... Но почему эти три джабля называются именно так?

– Как?

– «Лютик», «Светик» и «Пестик».

– Потому что все джабли называет королева, – ответил Джем. – Это ее конституционное право.

– Но не может боевой корабль (хотя бы даже склад с запчастями!) называться Лютиком! – с негодованием воскликнул Шмор.

– Еще как может! – сказал Джем. – А если даже и нет – никуда уже не денешься.

– Я переименую их сегодня же! – вскричал Шмор.

– А вот этого делать не стоит, – мило улыбнулся Джем. – Я не понимаю, как это происходит, но существует поверье, будто имя, данное королевой, привязывается к джаблям напрочь. Если его самовольно поменять, джабль рассыплется на мелкие винтики. Такие случаи уже бывали, и не раз.

– Я не суеверный, – сказал Шмор.

– Ваше право, – пожал плечами Джем. – Будете потом собирать запчасти по всей галактике...

Дверь вдруг приоткрылась и в кабинет всунулась голова Вискерса.

– Разрешите войти, ваше величество? – спросил секретарь.

– Да, – ответил император и граф зашел в кабинет.

– Чрезвычайное происшествие! – доложил Вискерс.

– Что, бот с Отжимом рухнул в скалы?! – с надеждой поинтересовался Джем.

– Нет, – отрицательно покачал головой граф. – С атташе все в порядке и он на пути к челноку.

Джем с императором разочарованно вздохнули хором.

– Сегодня утром лорд Пендрол произвел неожиданный наезд на штаб Седьмой танковой дивизии, обвинив ее командование в разгильдяйстве и плохой боевой готовности, – доложил граф. – В результате командование приняло решение провести учения с целью устранения выявленных лордом Пендролом недостатков. Так как лорд Пендрол...

– Хватит! – хлопнул Шмор ладонью по столу. – Что вы заладили с этим лордом?!

– Простите меня, ваше величество, – Вискерс прижал к груди руку, – но мне нравится произносить этот титул. Он как-то по-особому звучит: л-лорд Пен-н-дрол-л-л! Правда, красиво?

– Действительно! – поддержал графа Джем. – Пен-ндрол-л! Просто чудесно!

– Короче! – потребовал Шмор у Вискерса, не глядя на Джема.

– А короче – обычная история, – сообщил граф. – На одном из перекрестков как раз остановился на красный свет ваш шморовоз, который ехал из космопорта. Колонна танков раскатала его в блин. Водитель и Кебаб успели выпрыгнуть из окон в самый последний момент. Они не пострадали, а вот шморовоз теперь годится только для нарезки из него сковородок.

– Приказываю стоимость шморовоза вычесть из годового жалованья командира Седьмой дивизии, – распорядился Шмор.

– Но это несправедливо, ваше величество! – воскликнул Вискерс. – Ведь танкистам разрешено ездить на любой сигнал светофора. Вот если потребовать компенсации с лорда Пендрола, заварившего эту кашу...

– Что вы несете, Вискерс? – разозлился Шмор. – Деньги лорда Пендрола – мои деньги, поскольку ему всего шестнадцать лет! Я что, должен сам себе компенсировать ущерб? Бес с ними, со светофорами! На крышах моих шморовозов установлены флажки с гербом. Если танкисты не видят этого, что они вообще смогут увидеть в бою? Сделать, как я сказал!

– Слушаюсь! – рявкнул Вискерс и выскочил из кабинета.

Шмор, отдуваясь, приходил в себя.

– Кстати, – вдруг вспомнил Джем. – Ваше величество, я надеюсь, вы помните, как проникли в мою спальню вместе с графом Вискерсом?

Император утвердительно кивнул головой.

– Сегодня я открыл ту же панель и на лестнице, ведущей в подземелье, обнаружил самого натурального шпиона с во-от таким носом и во-о-от такими ушами, – Джем показал руками размеры частей тела агента Хмыря.

– И что вы сделали дальше? – поинтересовался император.

– Врезал ему кулаком в глаз и закрыл панель.

– Зря, – заметил Шмор, улыбаясь. – Он находился там по моему личному распоряжению. Теперь посольство Джаппурии будут тщательно охранять. Это сделано только для вашего блага.

– Я надеюсь, он был один?

– Не надейтесь! – воскликнул Шмор и рассмеялся. – В свое время лорд Хлебазл изрыл весь центр столицы подземными ходами. И многие из них ведут в здание вашего посольства. Теперь они все надежно перекрыты и вам больше ничего не угрожает.

– Позвольте поинтересоваться, а что нам угрожало ранее?

– После бегства барона Филера я лично занялся его разведывательной службой, и, знаете ли, мне открылась чудовищная картина! Все шмордонское общество (включая армию) пропитано его шпионами! Многие еще не выявлены... Так что – не обижайтесь.

– А нельзя нам предоставить какое-нибудь другое здание? – спросил Джем.

– Свободных домов в центре больше нет, – развел руками Шмор. – А я хочу, чтобы вы находились как можно ближе к Железному Дворцу, потому что питаю к вам самые дружеские чувства: – и губы императора расплылись в дежурной улыбке.

Джем понял, что первый раунд остался за Шмором.

– Ну что ж, – сказал император, вставая из-за стола. – Не буду вас больше задерживать. Ведь вы с дороги. Можете идти.

Джем встал, слегка поклонился и молча направился к двери. Уже на пороге кабинета какая-то сила заставила его остановиться. Он обернулся и увидел, что Шмор пристально смотрит ему в спину.

– Жениться вам надо, ваше величество! – неожиданно для самого себя ляпнул Джем напоследок.

Лицо императора вдруг вспыхнуло пунцовой краской, а глаза остекленели, и Джем понял, что второй раунд им выигран. Он рванулся вперед, выскочил из кабинета в приемную и захлопнул за собой дверь.

Перед носом джапурского посла тут же оказалась рука Вискерса с рюмкой, доверху наполненной коньяком.

– Слава богу! – воскликнул граф. – Сколько можно болтать ни о чем? Я думал – вы никогда не закончите!

Джем, рассмеявшись, с благодарностью принял рюмку и отправил ее в рот.

ДЖАППУРИЯ. СЛЯКОТЬ – СОЧИ

Шмордонский посол в Джаппурии лорд Крокозябл-младший сидел в кабинете за столом напротив Морса и злился. Встреча с Премьер-министром проходила в Доме Правительства.

Морс взял в руки пакет, принесенный Крокозяблом, и, не ознакомившись с его содержанием, сунул в пачку каких-то документов, лежавших горкой на столе.

– Вы даже смотреть не станете? – поинтересовался Крокозябл.

– Не стану, – подтвердил Премьер-министр, хлопая ящиками стола с видом, будто что-то ищет.

– Но в пакете находится официальная нота протеста! – слегка повысил голос посол.

– Да? – деланно удивился Морс, продолжая хлопать ящиками. – И что в ней?

– Прочтите и узнаете, – предложил Крокозябл.

– Некогда, – сказал Морс. – Через час состоится совещание с министром обороны, на котором я должен присутствовать. А проходить оно будет в Усосанном Лесу, где строится новый учебный центр. Надо еще успеть туда добраться.

– Так возьмите пакет с собой! – потребовал Крокозябл. – Ознакомьтесь с нотой по дороге.

– Не буду! – твердо ответил Морс.

Он встал, вышел из-за стола, снял с вешалки непромокаемый плащ и принялся его надевать.

– От вашей имперской канцелярии веет убийственной скукой, – сообщил Премьер-министр, пытаясь рукой попасть в один из рукавов. – Любой шмордонский документ портит мне настроение на весь оставшийся день. Поэтому я прочитаю ноту протеста перед сном. Пусть мне лучше кошмары снятся. Кстати, чем вы опять недовольны?

Морс направился к выходу из кабинета. Крокозябл был вынужден последовать за ним.

– Дело касается первой партии джаблей, доставленных в Шмору, – сообщил посол, догнав Морса уже в коридоре.

– Что с ними не так? – поинтересовался Премьер-министр.

– Все три корабля – редкостные лоханки!

– И какого они класса?

– Второго.

Морс резко остановился и Крокозябл чуть не сбил его с ног.

– А почему вы предъявляете претензии мне? – спросил Премьер-министр. – В Шмордоне есть джапурский посол. Вот и направляйте все протесты ему, так сказать – в официальном порядке.

– Джем Баламут сказал, что джабли второго класса неисправны всегда.

– Он ничуть не соврал.

– Но мы заказали их двести штук!

– Ваше дело – что заказывать, а что нет, – пожал плечами Морс. – Вас, шмордонцев, не поймешь. Сами купили кучу барахла, а теперь претензии предъявляете.

– Но мы не знали, что джабли второго класса – некондиция! – взревел дурным голосом Крокозябл.

– Не орите так, – попросил Морс, демонстративно прочищая пальцем свое левое ухо. – Если кто-то хочет что-то купить, он сначала посмотрит, что собой представляет желаемый товар. Потом этот кто-то приценится и уж тогда подписывает деловые документы. Если ваши чиновники дураки – поздравьте с этим сами себя! Все, не могу больше разговаривать. Прощайте.

Премьер-министр быстрым шагом отправился дальше по коридору, а Крокозябл остался стоять столбом в ступоре. Проходившая мимо уборщица двинула его крепким бедром, и посол, вернувшись в деятельное состояние, понесся бегом, надеясь догнать Морса. Но сделать этого ему не удалось, так как Премьер-министра и след простыл.

Высочив из Дома Правительства на Центральную площадь Заквакинска, Крокозябл остановился у рекламной тумбы и перевел дух. Мерзкая погода планеты Слякоти тут же освежила лоб посла мелким морозящим дождиком. Он осмотрелся.

На противоположной от Крокозябла стороне площади среди серых зданий министерств и ведомств Джапурии поганым грибом выделялось трехэтажное здание посольства Шмордона. Флигель, предоставленный мэрией Заквакинска для дипломатического представительства, был покрашен яркой оранжевой краской и потому сразу бросался в глаза. Возле него всегда собиралась толпа туристов (даже ночью). Странное дело: после осмотра дома туристы – все как один – показывали зданию неприличные жесты и расходились, уступая место вновь прибывшим.

Посол понимал, что дом покрашен с умыслом, но ничего поделать с этим не мог. Он уже дважды пытался изменить положение вещей. Сотрудники посольства сами красили флигель: сначала в серый цвет, а потом в бежевый. Но в каждую следующую после покраски ночь подъезжали несколько пожарных машин, и из брандспойтов обдавали дом оранжевыми струями.

После второго раза, когда вместе с флигелем оказались покрашенными несколько дипломатов, пытавшихся помешать этой художественной вакханалии, – а также после отмывки окон растворителем, – Крокозябл решил плюнуть на все и стал жить в оранжевом здании.

Посол перевел взгляд на афишу, приколотую к рекламной тумбе, и прочитал объявление: «Бесплатный концерт группы «Секстет Сексота» в городе Гадюкинске с новым альбомом «Баландное хлебалово, джа!»

Крокозябл зло сплюнул себе под ноги и задумался.

Агентура работала из рук вон плохо. Шмордонские шпионы теперь свободно въезжали на любую планету Джаппурии. Визы им выдавало посольство Дджема, но оно же их и фотографировало. Лицо каждого шпиона было известно полиции и агентам приходилось действовать еще аккуратнее, чем раньше. Но самое интересное – куда бы шпион ни засылался, он в конечном итоге все равно почему-то оказывался на Сочи, где никаких интересных для шпионажа объектов не существовало!

Зато на планете Сочи имелись казино, бордели и золотые пляжи. Шпионы с заведомым упорством посещали все эти приятные места, а потом – когда заканчивались деньги – шли сдаваться в полицию. Начальник полиции сочинского города Джяна Пахан Родимый слыл рекордсменом по количеству выловленных им шмордонских шпионов, за что, кстати, и получил неделю назад от Премьер-министра большую серебряную медаль.

Вспомнив о жаркой планете Сочи, Крокозябл вдруг испытал чувство неприкаянности. Ведь там находилась его жена!

Она решила остаться в Джяне для того, чтобы шпионить в пользу Шмордона. Какую информацию леди Крокозябл хотела извлечь из курортного города, послу было не ясно, но служащие шмордонского посольства в последнее время почему-то стали хихикать в спину лорду Крокозяблу, и тому это сильно не нравилось.

Взгляд посла ушел вправо от рекламной тумбы и сфокусировался на памятнике, который стоял напротив. Крокозябл непроизвольно вздрогнул. На каменном постаменте застыло полкомара! Посол, встряхнувшись, пригляделся и понял, что видит всего-навсего скульптуру.

На метровом пьедестале расположилось отлитое в бронзе чудовище, похожее на комара. Вот только комар этот был исполнен скульптором в половинчатом виде. То есть: передняя часть тела у насекомого имелась, а задняя отсутствовала.

На Крокозябла смотрела гротескная комариная голова с завернутым в штопор хоботом и вылезшими из орбит красными глазами, отчего казалось, будто на тебя глядит из преисподней сам бес! Дальше скульптура заканчивалась парой крыльев, похожих на лопасти пропеллера допотопного шморолета. Надпись на постаменте информировала:

«КОМАР – ОСВОБОДИТЕЛЬ».

Еще ниже имелась табличка из нержавеющей стали с более пространственным пояснением. Из этого пояснения следовало:

«Памятник воздвигнут в честь комаров Слякоти, проявивших беспримерную доблесть в деле обороны родной планеты во время Третьей Шмордонской войны. Жертвуя собой, комары на протяжении нескольких недель отбирали кровь у шмордонских захватчиков в болоте Жабья Радость, лишая их боеспособности. Они высосали столько крови у генерала Крокозябла, что тот перестал представлять опасность для Джаппурии. Честь и слава малым защитникам Отечества! Монумент создан скульптором Тóрчем Астральным и подарен народу Джаппурии».

Крокозябл повторно сплюнул себе под ноги. Будучи далеко не тщеславным, он не обратил никакого внимания на то, что пояснение присвоило ему генеральское звание и увековечило его имя в камне. Посла неприятно поразил тот факт, что автор скульптуры имел наглость сбросить его со счетов опасности для Джаппурии!

– Я вам покажу, кто опасен, а кто нет, – прошептал он.

Крокозябл вспомнил, что с созданием памятника был связан коррупционный скандал. Кто-то украл большую часть денег, собранных джаппурцами для постройки монумента. Но, как это обычно бывает в Джаппурии, следы преступников затерялись, и потому изваяние получилось половинчатым, так как оставшихся денег хватило только на это. Знаменитый скульптор Торч Астральный явно соврал насчет подарка.

Крокозябл, усмехнувшись, решил действовать.

Для начала он еще раз взглянул на окаменевшее чудовище и потер щеку, только что укушенную реальным комаром. Зад, цапнутый тем же представителем фауны секундой спустя, он чесать не стал в виду того, что вокруг было слишком много туристов, а Крокозябл считал себя культурным человеком. Потому он просто выругался вслух и быстро направился через площадь к оранжевому флигелю, при ходьбе шагая так, чтобы укушенная задняя часть тела сама чесалась брюками. Походка Крокозябла при этом была настолько странной, что проходившие мимо туристы приняли его за одного из представителей сексуальных меньшинств, спешившего на гей-парад.

На территории посольства Крокозябл обошел стороной само здание и стоящий перед ним служебный шморовоз, после чего завернул на задний двор. Там он отворил двери ангара, в котором находился космический спасательный бот. Этот небольшой аппарат был предназначен для полетов по Слякоти, но мог легко перелетать с одной планеты на другую.

Наличие бота оговаривалось специальным соглашением, к составлению которого приложил руку сам Крокозябл. И сделал он это на балу у королевы Беллы именно тогда, когда все министры уже перепились и не понимали, что они подписывают. Зато теперь посол испытывал гордость за дипломатическое искусство, которым он обладал. А вот Джем в Шмордоне не имел права на бот!

В этом свете поставка в империю бракованных джаблей показалась Крокозяблу не столь обидной, потому что он имел право перемещаться между четырьмя планетами Джаппурии как угодно, правда – ставя при этом в известность министра полиции Кваса Ядреного. Но по поводу последнего пункта соглашения у посла имелось особое мнение, которое звучало приблизительно так: «Пошел этот жирный пропойца к бесу!»

Крокозябл забрался в бот и проверил ящик, где хранились предметы, нужные для аварийной посадки. Больше всего его интересовали фонарик, болотные сапоги высотой до паха и репелленты для борьбы с комарами. Обнаружив все это в ящике, он хищно улыбнулся, умелой рукой включил двигатель и аккуратно выехал на боте из ангара. Затем, дав полный газ, Крокозябл взмыл свечкой в небо и, спустя несколько минут, выровняв полет, взял курс на Усосанный Лес, до которого было всего триста миль.

Приземлившись на маленькой полянке, предусмотрительно вырубленной в лесу еще год назад его подчиненными, Крокозябл обильно полил себя репеллентами разных видов, натянул болотные сапоги и с фонариком наперевес выпрыгнул из бота. Пройдя несколько сотен метров по заранее известному маршруту, он подошел к старому зданию шмордонского посольства.

Удивляясь переменам, произошедшим за время его отсутствия в Усосанном Лесу, Крокозябл принялся рассматривать место, в котором он почти безвылазно провел последние пять лет своей жизни.

Вокруг двухэтажного здания бывшего шмордонского посольства возникли несколько строений казарменного типа и далее виднелись стволы поваленных деревьев. Значит, слухи о строящемся учебном центре оказались правдой.

На парковке возле пропускного пункта стояло несколько десятков спасательных ботов и даже три джабля. Видимо, на совещание съехалось все силовое руководство Джаппурии.

Посол, ухмыльнувшись, развернулся и отправился в самую глубь леса по слегка видной тропинке. Если б он хотя бы раз оглянулся назад, то его взгляду представился бы внушительный темный столб, следовавший за ним. Столб этот был подвижным потому, что состоял из

тысяч комаров, которые страстно хотели от Крокозябла тепла и сытости, но не могли получить эти два блага из-за репеллентов, покрывающих вождественное тело посла толстым слоем.

Прочавкав сапогами по лесистому болоту четверть мили, великий гений шпионажа вышел на один из сухих островков и внимательно посмотрел себе под ноги. Там он увидел корягу, торчавшую из травы. Схватив конец коряги обеими руками, посол потянул его в сторону. Под землей что-то хрустнуло, и справа за кустиком лишайника бесшумно поднялась вверх зеленая крышка замаскированного канализационного люка.

– Я вам покажу «не представляет опасности!», – проворчал Крокозябл.

Он спрыгнул вниз и оказался в неглубокой шахте, из которой в сторону флигеля уходил подземный ход. Крокозябл включил фонарик и, весело насвистывая мотивчик одной из песен Сексота, отправился шпионить.

Чувствовал он себя превосходно и потому ни разу не оглянулся. А зря, потому что комары решили не отставать от двуногого сосуда с питательной жидкостью. Более того – они увеличили количество особей, желающих крови, раза в два, а то и в три. Видимо, комариные хоботы были уверены, что если жертва не предоставит им себя в роли еды, то укажет путь к другим источникам питания. И они ничуть не ошиблись!

Через некоторое время подземный ход вывел Крокозябла с его комариным эскортом в подвал флигеля. Не слыша тревожного гудения сзади из-за своего громкого свиста, он открыл потайную дверцу и шагнул на узкую бетонную лестницу, ведущую вверх.

Поднявшись по ступенькам, Крокозябл остановился перед железной заслонкой, закрывавшей небольшое оконце на уровне головы посла. Осторожно отодвинув заслонку в сторону, он вставил свое лицо в обнажившееся отверстие, и голова его оказалась в деревянном решетчатом коробе.

Зал для заседаний был небольшим, но достаточно вместительным. По стенам его тянулись батареи водяного отопления, укрытые в деревянных декоративных ящиках. Один из ящиков был пустым, и теперь голова Крокозябла стала единственным его содержимым. Решетчатая структура деревянной конструкции позволяла послу не только слышать, но и прекрасно видеть все, что творится в зале. Поэтому он перестал свистеть и стал смотреть и слушать.

Слева Крокозябл увидел трибуну, представлявшую собой обычный длинный стол. За столом сидели трое: тощий Морс, толстый как пивная бочка министр полиции Квас Ядреный и здоровенный обезьяноподобный индивидуум с квадратным зверским лицом. Если первых двух Крокозябл знал прекрасно, то последний был ему совсем незнаком. Но посол видел его фотографию в специально собранном досье и опознал как нового министра обороны королевства Дрына Реального.

Напротив этой троицы в креслах расположились начальники полиции больших городов Джаппурии, слетевшиеся со всех четырех планет. Переведя свой пытливый взгляд вправо, Крокозябл в первом ряду обнаружил хорошо ему известного Пахана Родимого, который был одет не в привычные майку и шорты, а в полицейский мундир с какими-то звездами на погонах и большой серебряной медалью, приколотой к груди. Золотой лучевой пистолет был при нем и Пахан ласково поглаживал рукой его рифленую рукоять, торчавшую сбоку из оперативной кобуры.

Черные усы начальника полиции сочинского города Джняна ничуть не уменьшились, а стали даже как будто длиннее, потому что его соседи справа и слева сидели в крайне неудобных позах, подвинувшись на краешки кресел. Видимо, усы застилали им вид президиумной троицы.

Дрын Реальный говорил, гневно взрыкивая:

– Кого вы сюда прислали? Что это за люди? Все они жулики, лентяи и проходимцы! Если мы решили создать армию, значит – в нее надо брать лучших! Как я!

Дрын стукнул себя кулаком по груди и продолжил:

– Вам и нужно-то было отправить в этот учебный центр всего пятьсот человек, из которых должны получиться офицеры для бото-десантных войск. Если те, кого вы прислали, являются цветом нашей полиции – вам остается только утопиться, иначе вы будете видеть перед собой только черный мир! Взять хотя бы этого мерзавца с Дубаря, как там его... а, – Трясуна Махрового. Рота, в которую его определили, уже третий месяц поголовно пьяна! Я перерыл всю казарму и ничего не нашел! А оказалось что? Этот Трясун гонит брагу из диких яблок, которых полно в лесу, и заливает ее вместо антифриза в радиаторы боевых бронеджамобилей! Получается следующее: открываешь снизу краник, подставляешь стакан и – пошла гулянка! Чей боец?

Из второго ряда поднялся длинный и сухой начальник полиции города Колотуна.

– А, господин Колдырь Беспросветный! – узнал его Дрын. – Можете забрать своего самогонщика обратно.

– У меня таких как он – навалом, – заявил Колдырь. – Раз прислали его сюда, значит, пусть остается. Лучших не будет. Нечего харчами перебирать...

Он уселся на место, а Дрын убил у себя на щеке комара. От последнего действия министр обороны рассвирепел и продолжил еще резче:

– Этот Трясун – просто шаловливый ребенок по сравнению с другим негодяем. Из города Джяна прибыл некий Рвач Такса. На третий день он утопил свой лучевой пистолет в болоте! Я думал, что этот Рвач просто растяпа. Как бы не так! Позавчера здесь, на Слякоти, в городе Гадюкинске банда налетчиков с помощью лучевого пистолета ограбила один из банков. Слава Дважды Грохнутому Богу, их поймали. Надо ли говорить, что номер пистолета совпадает с тем, который утопил Рвач? На допросе один из бандитов заявил, будто выменял это оружие в Усосанном Лесу на два ящика водки и пачку папирос, набитых джакоином! Кто прислал сюда этого мерзавца?!

Пахан Родимый со своего места произнес с достоинством:

– Я.

Дрын, окинув его взглядом, зацепился за усы и взревел:

– Встать!

– Еще чего? – спокойным голосом поинтересовался Пахан. – Вы министр обороны? Вот и командуйте своими вояками.

– Я сказал, встать перед старшим по званию! – заорал Дрын, выпрыгивая из-за стола.

– Если я встану – твое звание станет посмертным! – сообщил Пахан, вытаскивая из кобуры пистолет.

– Это что такое?! – вскричал Квас, обращаясь к Морсу. – Что себе позволяет этот военный выскочка? Он что, на джоккейном поле находится?

– Тихо, господа! – хлопнул по столу ладонью Премьер-министр. – Успокойтесь!

Дрын, пыхтя от злости, уселся за стол, а Пахан невозмутимо сунул пистолет обратно в кобуру.

– Господин генерал говорит правильные слова, – продолжил Морс. – Откуда брать людей для армии, если не из полиции? Потому надо отнестись к комплектации со всей ответственностью...

– У полиции своих дел невпроворот, – перебил его Квас. – И так людей не хватает. А тут еще какая-то армия появилась! Я предлагаю направить нашему послу в Шмордон запрос. Пусть он узнает, как имперцы комплектуют свою армию. Тем более, что в составе посольства в этот раз присутствует специальный атташе. Вот они все разузнают, сообщат нам, и тогда будем думать.

Крокозябл, наблюдая за этим бедламом из своего укромного места, тихо млел от смеха, который еле сдерживал внутри себя героическими усилиями. Но идиллия продолжалась недолго. Весь накал совещания был вызван комарами, которые, нюхнув противно вонявшего

посла, медленными воздушными ручейками пролетали через дырки деревянного ящика и, хорошенько прицелившись, находили себе блюда по вкусу. Перепалка, возникшая между Дрыном и Паханом сопровождалась мощными шлепками, которые производились свободными от пистолетов и карандашей руками. Комаров становилось больше и больше, и уже весь зал присоединился к аплодисментам.

– Заберите всех своих мерзавцев обратно! – ревел с трибуны Дрын, шлепая комаров на своем лбу.

– Пользуйтесь теми, которых вам дали! – требовал Квас, прихлопывая очередное насекомое, обедающее на его ноге. – И еще спасибо скажите!

– Да разве можно так?! – гаркнул Дрын, окончательно выходя из себя. – Черт знает сколько этих тварей!

– Вы же сами захотели устроить здесь учебный центр, – ехидно заметил Квас. – Так сказать – для выработки у будущих офицеров навыков выносливости и терпения.

– Но не до такой же степени! – крикнул Дрын, водя глазами по залу.

Вдруг взгляд его остановился и уперся в декоративный ящик, за которым прятался Крокозябл.

– Ага! – взревел министр обороны. – Вот откуда они залетают!

Все в зале повернули головы в направлении, указанном Дрыном, и увидели плотное комариное облако, выползающее из решетки ящика для батареек.

Министр обороны вылетел из-за стола, сорвал со стены висевший там большой пенный огнетушитель и подбежал к ящику.

– Сейчас я вам устрою Пятую Шмордонскую войну! – крикнул он, сбивая с рукоятки огнетушителя ограничительную пломбу.

Крокозябл расширенными от страха глазами смотрел на действия министра обороны. Его мозг уже сообразил, что надо быстро удирать, но до ног команда пока не дошла и они оставались бездейственными. А зря!

Мощная струя пены, ударив в решетку, разделилась на десятки потоков поменьше, и все они вонзились Крокозяблу в лицо. Единственное, что он сумел сделать, когда летел вниз по лестнице, увлекаемый мощным потоком пузырящейся пены, – не заорать...

Через полчаса совещание закончилось и Пахан Родимый, находясь в крайне плохом настроении, вышел за ворота пропускного пункта. Вокруг него, отбиваясь от комаров, сновали люди, направляясь к ботам. Но Пахан на парковку не пошел, потому что ему сильно хотелось справить нужду. Справа от ворот начинался лес, и начальник полиции Джяна решительно двинулся именно в ту сторону.

Раздвигая усами ветки, он углубился в кустарник метров на десять, расстегнул ширинку форменных брюк и принялся делать то, зачем пришел. Неожиданно кусты разошлись, и прямо перед носом Пахана возник лорд Крокозябл.

Начальник полиции Джяна, как человек бесстрашный, невозмутимо завершил начатое им дело и только тогда обратил внимание, что стоявший перед ним посол мокр с головы до ног.

– Приношу свои извинения, – сказал Пахан, застегивая ширинку. – Я не знал, что вы отдыхали в этих кустах.

– Ах, бросьте, – махнул рукой Крокозябл. – Мокрой мою одежду сделали не вы.

– А кто? – поинтересовался Пахан, доставая и раскуривая большую сигару.

– Я здесь неподалеку рыбачил, – соврал посол. – Нечаянно упал в воду.

Пахан, пыхнув клубом дыма (отчего несколько сотен комаров, сдурев, шлепнулись на землю), более внимательно оглядел Крокозябла и заметил, что из высоких резиновых сапог рыбака выплескивается пена.

– Много поймали? – спросил начальник полиции.

– Да так. Пару шук, три сома и мешок карасей, – ответил Крокозябл, вытряхивая пальцем воду из уха.

– А я думал, что здесь кроме лягушек ничего не водится, – сказал Пахан. – Ну, не буду вам мешать.

Он развернулся и неторопливо пошел в сторону парковки.

– Простите, но у меня к вам есть один вопрос! – крикнул Крокозябл.

– Слушаю, – Пахан, остановившись, повернулся к послу.

– Вы случайно не видели мою жену? Я уже неделю не могу с ней связаться. Она не берет шморофонную трубку. Леди Крокозябл должна быть в Джяне...

– Она и сейчас там, – сообщил Пахан, пыхтя сигарой.

– Почему же тогда она не отвечает мне?

– Видимо, сильно занята.

– Чем?

– Она обучала Хачапур Волосатого управлению танком.

Сердце Крокозябла захлестнула огненная волна ревности. Он, задыхаясь, спросил:

– И часто их видят вместе?

– Скорее – видели, – ответил Пахан, насмешливо глядя на посла. – При чем ваша жена носилась в этой колымаге, сидя на пушке в обнаженном виде.

– Не может быть! – вскричал Крокозябл. – Она же леди!

– В первую очередь она женщина, а потом уже все остальное.

– Вы хотите сказать, что моя горячо любимая жена спуталась с этим макакоподобным бандитом?! – глаза Крокозябла метали молнии.

– Успокойтесь, – сказал Пахан обнадеживающим голосом. – Это уже в прошлом...

– Что «это»?

– Хачапур Волосатый. Сей жулик решил в бухте Джяна насыпать остров и построить на нем отель-небоскреб. Чтобы узаконить дело, он подарил танк судье Паю Даю. Теперь судья «рассекает» на нем, а ваша жена учит его управлению. Она перешла в чужие руки вместе с машиной как навесное оборудование; ну, или, скажем, как учебная документация.

Пахан Родимый рассмеялся.

Крокозябл вдруг захотелось от всей души молодецким ударом в нос свалить с ног смешливого начальника полиции, а потом схватить его за усы и, раскрутив как следует, зашвырнуть на самую высокую елку. Он сжал свои тощие кулаки, но тут же понял, что если кто-то кого-то и зашвырнет повыше, то явно не он и явно не Пахана. Потому что выйдет все наоборот. От невозможности перевести свое желание в физическую плоскость бытия Крокозябл взвыл дурным голосом, развернулся и, ломая кусты, понесся в сторону полянки, на которой стоял его бот.

Пахан, пожав плечами, констатировал вслух:

– Даже шпионским мордам свойственны простые человеческие чувства.

Он ласково улыбнулся и в задумчивом настроении направился к парковке.

Крокозябл же времени даром не терял. Как бы ни помутился от ревности его разум, действовал он в высшей степени профессионально.

Совершив посадку во дворе шмордонского посольства, лорд поднялся по лестнице в свои апартаменты, по пути лишив премии трех нечаянно встретившихся сотрудников. Не повторяя своих прошлых ошибок, он сразу же переоделся в майку и шорты, не забыв при этом натянуть плавки.

Затем он взял свой любимый черный портфель и перегрузил в него из большого сейфа, вмонтированного в стену, пять противотанковых гранат. Потом лорд бросил в недра портфеля несколько толстых пачек тагриков, и с этим грузом легко сбежал по лестнице вниз, уволив попавшуюся на пути джаппурскую уборщицу.

Запрыгнув в бот, Крокозябл запустил двигатель и с дикой перегрузкой унесся свечкой в стратосферу.

Патрульный полицейский джабль, висевший на орбите Слякоти, зарегистрировал несанкционированный старт с планеты. Один из полицейских, несших дежурство в боевой рубке джабля, сказал второму:

– Это бот шмордонского посла, о жене которого писали в газетах, будто шлюхи похлеще ее нет во вселенной. Трогать этот бот не велено, но положено доложить министру полиции.

– Доложишь ты, как же, – с сомнением произнес второй полицейский. – У них только что закончилось совещание в Усосанном Лесу. Сейчас Квас вместе с Морсом и Дрыном что делает?

– Квасит, естественно! – догадался первый.

– Правильно, – похвалил его второй. – Посмотрим, куда этот бот полетит. Вот туда и доложим.

Первый полицейский согласно кивнул головой и принялся смотреть в экран радара за рваным полетом спасательного бота, в котором Крокозябл, сгорая от желания кого-нибудь убить, изо всех своих сил давил на рукоять управления двигателем, в надежде скорее увидеть золотые пляжи курортного города Джяна и тяжелый шмордонский танк, рассекающий гусеницами прожаренный Джаппурией песок...

Полицейские патрульного джабля оказались неправы. После совещания никто квасить не стал, так как Дрын с Квасом друг друга не любили, а Морс в своем джабле улетел на Сочи, где у него должна была состояться встреча с королевой.

Потому спустя два часа Премьер-министр, оставив свой шморовоз под охраной личного водителя, вышел на городской пляж Джяна. Правда, до этого он специально распорядился, чтобы шофер проверил, можно ли парковаться на улице Арбузной. Последний, высунув от усердия язык, оббегал весь квартал и не нашел никаких запрещающих знаков. До встречи с Беллой оставалось еще целых три часа, и Морс решил потратить время с пользой для себя.

Он успел не только наплаваться вволю, но и съесть два початка кукурузы, купленных у вездесущей бабки Чурчхелы Конченой. Более того – за время нахождения на пляже к нему не пристало ни одного свистона, и потому короткий отдых удался на славу.

Слегка уставший, но сытый и довольный, Премьер-министр поднялся на набережную. И здесь так хорошо продолжавшийся день вдруг поменял свой знак с положительного на отрицательный.

На одном из участков набережной расположились сочинские художники, выставившие для продажи свои работы. Морс, проходя мимо, остановился и с интересом принялся разглядывать произведения искусства.

Картин было много и среди них попадались неплохие. В основном, полотна содержали изображения, связанные с пляжно-курортной тематикой, и прославляли красоту человеческого тела. Взгляд Премьер-министра привлекла одна из таких картин.

На ней прекрасная молодая девушка, стоя на пляже у кромки воды, вытянула струной свое обнаженное тело вверх навстречу закатному шару Джаппурии. Руки ее, поднятые над головой, сплелись в какую-то загадочную ветвистую фигуру, а черные волосы, растрепанные ветерком, струились по плечам непослушными волнами.

Рядом с девушкой на картине была изображена и бабка Чурчхела, протягивающая юной прелестнице початок вареной кукурузы. В глазах старухи застыла зависть, и контраст прекрасного с убогим делал картину эстетически интересной. Морс, очарованный увиденным, решил купить полотно, но сделать этого не успел.

Неожиданно вокруг Премьер-министра замелькали люди в белых одеждах, и идиллически-спокойная набережная вдруг превратилась в натуральный ад, сопряженный с самым обычным погромом.

Картина, так понравившаяся Морсу, была с треском надета на голову старому художнику, написавшему ее; другие полотна оказались брошенными на мостовую и потные звериные рожи, торчавшие из белых одежд, уже топтали их ногами. Вокруг стоял вой, через который пробивались крики:

- Долой блуд!
- Вон отсюда, пакостные малевщики!
- Не позволим порнографии проникнуть в наши души!

Морс попытался криками остановить погром, и потому его мимоходом двинули кулаком в живот. Он, согнувшись от боли, отбежал в сторону. Нападавших было не более десятка, но все они отличались физической крепостью, обильной бородатостью и крайней невежественностью. И вдруг что-то изменилось!

Один из погромщиков с воплем, полным неподдельного изумления, перелетел через парапет набережной и врезался носом в песок пляжа. Морс, преодолевая боль, выпрямился и увидел, что в толпу бородатых фанатиков ворвались два свистона – Эндюльген и Аллилуй. Их посохи крутились, как заведенные, и раздавали удары направо и налево.

Здесь Премьер-министр заметил парочку полицейских, стоявших в сторонке и что-то весело обсуждавших. Один из них ел сушеную джарабульку, обдирая чешую и бросая ее себе под ноги. Морс, держась рукой за живот, подошел к ним и задал справедливый вопрос:

- Почему вы не реагируете на беспорядок?

Полицейский, жуя рыбу, смерил взглядом приставучего старикашку и откровенно ответил:

– Мы с напарником сначала посмотрим, кто победит. Он поставил тысячу на свистонов, а я – на этих белых отморожков столько же.

Морс, наполнившись яростью, открыл рот, собираясь устроить разнос полицейским, но грудь его вдруг взорвалась огненным пучком боли. Он, задыхаясь, медленно сполз под ноги стражам порядка и растянулся на брусчатке мостовой.

- Никак сознание потерял? – удивился первый полицейский.
- Где-то я его видел, – сказал второй, тупо пялясь на лежащего Морса.

Неожиданно на тело Премьер-министра шлепнулся один из погромщиков. Первый полицейский, отшвырнув в сторону обглоданный рыбий позвоночник, схватил фанатика за плечи и поставил его на ноги. Второй выдал бородачу хороший пинок, и погромщик улетел падать в другое место.

– Мать моя сиротская! – вскричал вдруг второй полицейский. – Да это же Морс Мутный Кисель! Так, я вызываю медиков, а ты делай ему искусственное дыхание!

Он тут же принялся орать в рацию, а его напарник упал на четвереньки и своим ртом добросовестно присосался к посиневшим губам Премьер-министра...

Когда приехала «Скорая помощь», потасовка на набережной уже закончилась. Художники, охая, собирали затоптанные полотна; белые фанатики с набитыми рожами, хромя, нестройной толпой плелись жаловаться пророку Джобсу Суперзвезде; Эндюльген с Аллилуем, откупорив бутылку водки, праздновали победу, а первый полицейский положил в карман выигранный у второго тысячу тагриков.

Лишь Морс никак и ни в чем не участвовал. Его аккуратно погрузили в джамобиль фургонного типа с красным минусом на дверце (эмблема «Общества помощи глухим и нищим») и подключили к аппарату искусственного дыхания.

Джамобиль, чадя и воня бензином, понесся по кочкам в больницу. Голова Премьер-министра, подлетая на колдобинах вместе с носилками и аппаратом, к которому была

подключена, получала воздух рывками и тем самым жила перченой и интересной джаппурской жизнью.

Королева, располагаясь на диване, постаралась занять удобное положение, так как живот уже ощутимо мешал ей. Беседа происходила в кабинете главного врача городской больницы Джяна и собеседницей Беллы была министр здравоохранения Джаппурии Пипетта Обязательная.

Министрессе было далеко за сорок, но выглядела она совсем неплохо. Ходили слухи, что у Пипетты были любовные отношения с Морсом, и Белла этим слухам верила, потому что оба члена парочки как нельзя лучше подходили друг другу, если критериями отношений брать вредность и нудность.

Принцесса Нелла, болтая ногами, сидела на диване рядом с матерью и делала вид, будто читает детскую книжку о похождениях доброго суслика Няма в злой стране Шмурляндии.

– Вы говорите, у него инфаркт? – участливо спросила королева.

– Обморок с последующим предынфарктым состоянием, – строгим голосом ответила Пипетта. – Сильное переутомление, связанное с его повседневным трудом. Слишком большую работу вы взвалили на него, ваше величество.

– Жаль, что эта работа не придавила его до конца, – пробормотала Нелла себе под нос, но ее услышали.

Королева и министресса осуждающе взглянули на девочку.

– Что вы на меня смотрите? – спросила Нелла, ничуть не смутившись. – Я нечаянно прочитала вслух реплику суслика Няма.

– Где это написано? – поинтересовалась Белла.

– Вот, – принцесса показала ногтем какую-то строчку в книге.

Королева не стала углубляться в текст, а обратилась к Пипетте.

– Я надеюсь, он поправится?

– Да, – ответила министресса. – Но, думаю, ему уже нельзя будет выполнять свою работу в прежнем режиме.

– Выходит, нам надо готовиться к смене Премьер-министра?

– Возможно, – утвердительно кивнула головой министресса.

– И наступят, наконец, светлые времена! – недетским голосом вдруг крикнула Нелла.

Обе женщины вздрогнули от неожиданности и с укором посмотрели на девочку.

– Это суслик Ням так сказал! – принцесса сунула книгу под нос Пипетте.

Королева отвела руку дочери от лица министрессы и спросила:

– Можно сейчас увидеть Морса и поговорить с ним?

– Нет! – твердо ответила Пипетта. – Он принял нужное количество лекарств и теперь спит.

– Жаль, – печально произнесла королева. – Как проснется, передайте ему наши пожелания скорее поправиться. И скажите, что я сегодня же буду требовать от парламента предоставления Морсу отпуска, нужного для полного восстановления здоровья.

– Лет на десять, мамочка! – присоединилась Нелла.

Как только Белла с дочерью покинули кабинет, Пипетта вышла через другую дверь, проследовала по коридору некоторое расстояние и переступила порог отдельной палаты, в которой лежал Морс. Усевшись на стул в изголовье его кровати, министресса увидела, что Премьер-министр совсем не спит.

Положив свою руку на колено Пипетте, Морс нежно погладил его и сказал:

– Время стучит мне в виски.

– Это не время, Морсик, – ответила ему Пипетта, ответно глядя его руку. – Это кровь. У тебя повышенное давление.

– Нет, дорогая, именно время... Сегодня я не хочу никого видеть. А завтра свяжись с министром иностранных дел и пригласи его сюда. И еще позови... короче – из парламента сама знаешь кого, и Дотацию Постоянную. Она тоже из моей партии.

– Хорошо, – кивнула головой министресса.

Подумав немного, она задумчиво произнесла:

– Нужный порядок вещей. Мы сделали свое дело, и потому приходится уходить, давая дорогу новому поколению.

– Да, милая, – улыбнулся Морс. – Но это касается нас со Стандартом Резиновым и тех, кого я сказал позвать. А тебе уходить рано! Ведь ты молода и хороша собой.

Пипетта благодарно улыбнулась и сказала:

– А помнишь, как мы с тобой познакомились? Ты был красив и молод, и тебя назначили на должность воспитателя, который принимал нас.

– Тс-с, – Морс испуганно прижал палец к губам.

– Я тихо, – прошептала Пипетта. – Тебе было тогда двадцать лет, а нам – по пять. Ты показался мне волшебным принцем из сказки. Именно меня ты взял за руку, и, назвав красавицей, повел к трапу. А толстяка Кваса чуть не забыли, потому что он в столовой дожевывал пирожное, недоеденное мной! А Застой Твердый упал с трапа и сломал себе нос...

Она тихонько рассмеялась и маленькая слезинка, выкатившись из ее левого глаза, упала на руку Морса. Премьер-министр, улынувшись, произнес:

– Жизнь идет своим чередом, но еще не прошла. Я выйду на пенсию, ты бросишь свои пилюли, и мы с тобой уедем куда-нибудь.

Они помолчали немного и вернулись из мира воспоминаний к действительности.

– Так, – сказала Пипетта, вытирая платочком глаза. – Сейчас выпьешь мочегонные таблетки, чтобы сбить давление, и немного поспишь.

– Как же я буду спать с мочегонными таблетками? – удивился пациент. – В луже?

Министресса нагнулась к голове Морса, желая поцеловать его в лоб, но вдруг испуганно отпрянула.

– Почему от тебя пахнет... нет, – даже воняет сушеной рыбой? – прищурив глаза, спросила Пипетта.

– Не знаю, – искренне ответил Морс.

– Ах, не знаешь? – переспросила министресса, сводя губы в узкую линию. – Значит, ты не ел эту мерзкую, дохлую, склизкую, жирную, соленую, сушеную рыбу?

– Нет, – честно сказал Премьер-министр.

– Тогда сразу после приема таблеток я поставлю тебе клизму! – взвизгнула она.

– А без клизмы нельзя? – недовольно спросил Морс.

– Нельзя, – успокоившись рывком воли, ответила Пипетта. – Заодно обследуем кишечник ректоскопом. Сам говорил, что время тебе куда-то там стучит. Вот и посмотрим, куда и что! Будешь в следующий раз думать, прежде чем в рот всякую гадость пихать!

Морс, взглянув в потолок, вдруг вспомнил полицейского на набережной, жующего сушеную рыбу. Но связать этот факт с запахом, исходящим от него самого, не смог, поскольку участвовал в реанимационных мероприятиях в качестве бессознательного мешка с костями. В связи с этим он тяжело вздохнул и отдался в прекрасные медицинские руки любимой женщины.

Аккуратно посадив бот в центр какой-то заброшенной стройки, располагавшейся на окраине города Джяна, лорд Крокозябл взял такси и подъехал к городскому пляжу.

Возле кромки воды он разделся, накрыл свой черный портфель майкой, достал из карманов шорт пару увесистых булыжников, подобранных на стройке, и зашел в море. С наслаждением плюхаясь возле берега, он охлаждал тело.

Через пару минут Крокозябл, не выходя из воды, использовал булыжники по назначению, дважды подбив ожидаемую цель. Один из пляжных воришек, позарившийся на посольский портфель, с воплями убежал в сторону набережной, держась руками за голову и зад.

– Личный опыт – великая штука! – довольно сказал Крокозябл сам себе.

Он вылез из воды, намазался противоожоговым кремом, и, растянувшись на песке, стал ждать. Ему было все равно, кто появится первым: свистоны или бабка Чурчхела. Все они были нужны только для одного дела – получения нужной послу информации. Поскольку свистоны в этот момент были заняты на набережной мордобоем с приспешниками Джоса Суперзвездоса, Крокозябл дождался Чурчхелы.

Купив у нее початок кукурузы, он не взял сдачи, что привело старуху в неопишимо-радужное настроение. Нахваливая кукурузу, Крокозябл спросил:

– Говорят, у вас тут танки ездят?

– Один есть, – ответила довольная бабка. – Но вони и шума от него – как от стада цирковых слонов! А ездит в нем судья Пай Дай вместе с этой похабной Крокозяблихой!

Посол, слегка подавившись кукурузой, поинтересовался:

– С утра до вечера?

– Куда там! – усмехнулась Чурчхела. – Днем эти развратники дрыхнут. А как только Джаппурия начинает садиться за горизонт, они подъезжают к ресторану «Кошерный копчик», что находится в Халяльном переулке, закрывают танковые люки на сигнализацию и начинают пьянствовать. Ну, а потом едут куролесить. Либо в пустыню, либо к Хачапуру в казино «Поле дураков».

Узнав все, что было нужно, Крокозябл доел початок, оделся и быстрым шагом вышел на набережную. Спросив у первого же попавшегося навстречу торговца жареными семечками, как пройти в Халяльный переулок, посол отправился в указанном направлении, и через десять минут уже входил в нужный ему ресторан.

Заказав себе двести граммов коньяка, бутерброд с копченой суслиатиной, лимон и чашку кофе, Крокозябл уселся за один из столиков на открытой террасе, выходящей в переулок. Убедившись, что с его места открывается чудесный вид, и танк незамеченным никак мимо не проедет, посол хлебнул коньяка, закусил лимоном и стал терпеливо ждать.

Он знал, что бронированной машине весом в шестьдесят тонн одна противотанковая граната совсем не страшна. Чтобы подорвать такое чудовище конкретно, надо было соединить все пять имеющихся гранат в одну связку. Но даже самому сильному гранатометчику не удастся бросить такую связку далеко (ввиду ее тяжести), и он рискует взлететь в небо вместе с подрываемым танком.

Но одна граната легко сорвет гусеницу и бронированная машина не сможет ехать дальше! А экипаж вряд ли останется сидеть в танке, ибо – что там делать без кондиционера? Вот когда экипаж начнет эвакуироваться наружу, тогда и настанет время Крокозябла! Посол, ухмыльнувшись, присосался к бокалу.

Но время шло, а танк не появлялся. Крокозябл, допив коньяк и доев бутерброд, заказал себе еще сто граммов. Потом еще и еще раз еще... Странное дело, но алкоголь, сжигаемый ревностью, не делал его пьяным (по его мнению)! Золотой шар Джаппурии клонился к горизонту, а Крокозябл шептал и шептал себе под нос:

– Мерзавка! Изменница! Наплевала на все святое... Раздавила распутным местом мою любовь... Предала мою верность! Да, я раньше ненавидел тебя. Но сейчас-то все наоборот!

Он отхлебнул опять и здесь его слух уловил тонкий звук комариного зудения.

– Что, снова?! – возмутился Крокозябл. – И здесь эти бесовы комары?! Ну, сейчас я вам дам! Взорву вас!

Он сунул руку вниз, нащупал портфель, стоявший под столом, расстегнул его и достал одну гранату.

– Я очищу эту планету от комарья! – взревел Крокозябл, поднимая руку с гранатой вверх.

Посетители ресторана, нудно жевавшие заказанные ими деликатесы, с удивлением и интересом стали смотреть на разворачивавшееся перед их глазами представление.

Крокозябл, опрокинув стул, вскочил на ноги. И здесь переулок вдруг наполнился леденящим душу ревом! Посол взглянул вперед и увидел танк, вывернувший из-за угла. Громадное бронированное чудовище неторопливо катилось по мостовой, хрустя ломаемыми булыжниками брусчатки. Прохожие разбежались в стороны и прятались в первых же попавшихся дверях. Судя по тому, как быстро опустел переулок, народ привык к ежедневному появлению танка в этом месте Джяна и потому достаточно хорошо натренировался удирать с дороги.

Крокозябл, посмотрев на гранату, зажатую в правой руке, вспомнил, что он здесь делает. Придав своему лицу суровое мужественное выражение, он медленно вышел в переулок и встал посреди проезжей части. Сердце его наполнилось героизмом, в связи с чем грудь потребовала больше воздуха.

Посол поднял руки к горлу, но понял, что граната ему мешает. Тогда он сунул ее между ног, схватился обеими руками за ворот майки, рванул его что было сил, и ткань треснула до самого пупа. Получив от этого смелого поступка моральное удовлетворение, Крокозябл вдохнул воздух полной грудью, вытащил гранату из промежности и, взяв ее за длинную черную рукоять, изготовил для броска.

Танк продолжал неторопливо катиться, все ближе подбираясь к самоотверженному гранатометчику. Он имел газотурбинный двигатель, отбрасывающий звук назад, и потому его далекий свист был сначала принят Крокозяблом за зудение комариных полчищ. Теперь же в узких стенах переулка рев, возвращаемый назад фасадами домов, давил на уши так, что казалось, будто весь мир погрузился в центр ревающего циклона.

Волосы на голове Крокозябла поднялись дыбом, и он, сдурев от напряженности момента, рванул чеку и швырнул гранату вперед. Упав на мостовую, посол закатился в углубление, оставленное гусеницами танка ранее, в периоды прошлых посещений его хозяевами ресторана, и увидел, как танк, накрыв собой гранату, остановился. Дуло его орудия, направленное вверх под углом в сорок пять градусов, качнулось, удерживаемое стабилизаторами. И тут же грянул взрыв!

Танк окутался облаком дыма, по мостовой застучали осколки, и в домах рядом посыпались стекла. Кто-то в ресторане истошно заорал:

– Атаc! Шмордонцы идут!

Крокозябл приподнял голову и в просвете среди клубов дыма увидел, что левая гусеница танка сползла на мостовую. Передний люк под пушкой поднялся. Из него на броню выпрыгнула красивая стройная женщина, одетая в вечернее платье. Встряхнув копной дивных золотистых волос, она крикнула в сторону посла:

– Эй, ханыга в порванной майке! Ты что натворил?!

Крокозябл, узнавший в красавице свою жену, удивился ее познаниям в джапурском языке, но ревность, новой волной окатившая его, не дала раздумывать дальше. Он вскочил на ноги, рывком преодолел расстояние до танка, запрыгнул на броню и сходу залепил своей жене пощечину.

– Шлюха! – рявкнул он в ее покрасневшее лицо. – Проститутка!

Глаза леди Крокозябл от удивления увеличились раза в два.

– Милый, неужели это ты? – не веря своим глазам, спросила она.

В этот момент крышка второго люка, находившегося в танковой башне, откинулась вверх и замерла в вертикальном положении. Из люка появилась сморщенная плешивая голова, которая поинтересовалась противным голосом:

– Дорогая, что случилось? Почему танк не едет?

– Дорогая?! – возопил посол.

Он в два прыжка взлетел на башню. Голова, увидев перед собой грязного человека в рваной майке, попыталась нырнуть обратно в люк, но Крокозябл, оказавшийся проворнее, уже схватился пальцами левой руки за одно из торчавших ушей.

– Сейчас твой танк так поедет, что ты от скорости не успеешь увидеть достопримечательности! – зловеще процедил посол и крутнул ухо.

– Ай! – заверещала голова. – Как ты смеешь?! Я – лицо неприкосновенное!

– Представь себе, я тоже! – ответил Крокозябл.

Он разжал пальцы и кулаком правой руки от души врезал крикливой голове в глаз. Голова откинулась назад и стукнулась затылком о вертикально торчавшую сзади крышку люка. Раздался мелодичный звон. Крокозябл снова поймал голову за ухо.

– Я судья Пай Дай! – взвизгнула голова. – Ты у меня сядешь!

– А ты ляжешь! – ответил посол и врезал судье кулаком в другой глаз.

Голова служителя джаппурского закона повторно врезалась в люк. В этот раз удар был настолько сильным, что Крокозябл не успел поймать ее за ухо. Она отскочила от крышки и провалилась в люк. Крышка захлопнулась. На какой из рычагов свалился судья – неизвестно. Но, видимо, рычаг был особенным, потому что пушка вдруг оглушительно грохнула, и в бездонное сочинское небо со свистом улетел снаряд. Крокозябл, выпрямившись в полный рост, обалдело взглянул сверху вниз на свою жену.

Леди Крокозябл стояла, прижав к щекам ладони, и с обожанием смотрела на своего мужа.

– Милый, – произнесла она с придыханием. – Я не знала, каким грозным ты бываешь...

– Откуда у него взялись боеприпасы? – удивленно спросил посол. – Ведь танк сюда доставили без них.

– Да Хачапур купил целый вагон у разгульдяйских контрабандистов, – ответила ему своим обычным голосом жена и махнула рукой, будто говорила о какой-то пустяковой мелочи.

И тут же перешла на прежнюю манеру общения: с придыханиями и восхищенными взглядами.

– Любимый, я с тобой больше не расстанусь никогда! – восторженно сказала она.

Крокозябл спрыгнул вниз, схватил жену за руку и строгим голосом спросил:

– Значит, судье снаряды достались по наследству, как и ты?

– Снаряды – да, – согласилась леди Крокозябл, сияя глазами. – А я всегда тебе была верна. Я просто шпионила. У меня ничего такого с ними не было. Двенадцатиликим Богом клянусь! Неужели ты мне не веришь?

И она припечаталась своими губами к губам лорда Крокозябла. Посол тут же растаял, как сало суслика на сковородке. Сколько бы продолжалась эта семейная идиллия – неизвестно, но вдруг где-то вдалеке раздались крики.

Влюбленные Крокозяблы, оторвавшись друг от друга, посмотрели в конец переулка и увидели там толпу полицейских мундиров, несущуюся к ним. Впереди этой своры перпендикулярно стенам зданий двигались громадные черные усы, выделяясь из общей массы форменной одежды.

– Это Пахан Родимый! – испуганно сообщил жене Крокозябл.

– Уйдем дворами, – обнадежила его леди. – Я тут все проходы изучила.

Крокозябл, спрыгнув с танка, подхватил ее и поставил на брусчатку. Жена посла, сбросив с ног туфли на высоких каблуках, устремилась босиком к ближайшей подворотне, увлекая за собой мужа...

Пахан Родимый, пыхтя сигарой, задумчиво смотрел на танковую гусеницу, распластавшуюся по проезжей части. Один из полицейских, глядя туда же, докладывал:

– Судья Пай Дай доставлен в больницу. Предварительный диагноз – алкоголизм...

– Об этом вся планета знает! – перебил подчиненного Пахан. – Конкретнее!

– Сотрясение головного мозга, плюс гематомы под глазами и в области затылка, – продолжил полицейский. – И ухо слегка надорвано. На две трети.

– Куда попал снаряд?

– На южной окраине недостроенный стадион. Там Крокозябл посадил свой бот. Вот снаряд в этот бот и попал. Теперь нет ни бота, ни стадиона. Там в баке бота топливо ракетное было. Оно и рвануло, как следует. Теперь мэр Джяна опять отмажется от обвинений в воровстве. Нет стадиона – нет доказательств.

– Откуда у судьи взялся снаряд? Насколько я знаю – танк был доставлен из Шмордона без боекомплекта.

– Хм, – хмыкнул полицейский. – Мы проверили: в механизме заряжания еще тридцать два снаряда имеются.

Пахан, выбросив окурок сигары в урну, распорядился:

– Позвони в службу эвакуации. Пусть пришлют сюда пару джактористов. У них есть такие специалисты. Они поставят гусеницу на место, а танк загонят во двор Управления. Все люки опечатать и выставить к танку охрану. Без моей команды никого к нему не пускать!

– А если судья придет за ним?

– Ты глухой?

– Понял, никого не пускать! – рявкнул полицейский. – А как быть с посланцем и его женой? Ловить?

– Не лезь в это дипломатическое дерьмо, – посоветовал ему начальник полиции Джяна. – Я сам их поймаю.

Полицейский убежал выполнять распоряжение, а Пахан Родимый неторопливой походкой направился в сторону городского пляжа.

Пока продолжалась вся эта полицейская работа, посетители ресторана, с интересом наблюдавшие за действиями стражей порядка, не обращали внимания на обедавшего за угловым столиком солидного носатого господина, одетого в приличный летний костюм. А зря!

Господин, до конца прожевав свиную отбивную, вытер губы салфеткой, и с таким видом, будто он зашел к себе домой, уселся за столик, недавно покинутый Крокозяблом. Нюхнув пустую рюмку, он допил уже остывший кофе из чашки посла, уверенно сунул руку вниз и взялся за ручку черного портфеля. Встав из-за стола, господин аккуратно задвинул стул, сошел с террасы на мостовую и неторопливо пошел хоть и в неизвестном, но явно жульническом направлении.

А в портфеле, тесно прижавшись друг к другу, мирно лежали обложенные пачками тагриков четыре противотанковые гранаты, волею судьбы сменившие хозяина, но оставшиеся верными своим убийственным свойствам и взрывному предназначению.

ШМОРДОН. ШМОРА

В желтом свете естественного спутника Шморы, который назывался Кукарачей, спальня казалась кладбищенским склепом, заставленным вдоль стен ровными рядами шкафов. «Надо бы повесить занавески», – подумал Джем. Он улегся в кровать и закрыл глаза. Через пять минут пришло понимание, что заснуть сразу не удастся. Тогда Джем повернулся на спину, хлопнул слегка подбитым носом и задумался.

В комнате запахло табаком. Джем, переведя взгляд влево, заметил, как со стороны одного из шкафов струится сизый дым, в свете Кукарачи похожий на облако выхлопных газов шмо-

ровоза. Шпион находился на своем обычном месте. «Интересно, а ходит ли он в туалет? И куда?» – возник вопрос в голове Джема.

Ему тут же представился мрачный подземный ход с торчавшими в стенах факелами, пламя которых зыбко плясало от сквозняка. В середине хода находилась белая пластиковая дверь с нарисованной на ней громадной буквой «М», и прямо у порога этой двери высилась здоровенная куча дерьма.

Джем встряхнул головой и видение пропало. Он перевернулся на левый бок, чтобы не упускать из виду шкаф с курящим внутри шпионом, и принялся вспоминать события, участником которых он стал за месяц, проведенный им в самом центре Шмордонской империи...

После аудиенции у императора Джем вернулся в посольство, где уже находился Кебаб. Был он грязным и ободренным.

– Черт знает что! – возмущался последний. – Вечно в этот Шмордон не въедешь по-человечески! Впрочем – не выедешь тоже... Стоим на перекрестке, никого не трогаем. Я даже за руль в этот раз не влез. И что? Помогло, думаете? Дудки!

Кебаб скрутил кукиш и почему-то сунул его под нос Джему.

– Вылетает из-за угла танк, и хр-рысь гусеницами по капоту! Я в стекло лбом – бляцц! За ним второй. Я в окно, водитель – в другое! А танк по крыше – вжик! Тут и третий подоспел. И по багажнику – как по картонной коробке... Был шморовоз – и нету! А я лежу себе в луже и думаю, каким бы сам стал, если б не успел выпрыгнуть? Невозможно представить в деталях! Как до своей раздавленной печени дохожу – сразу тошнить начинает... И это цивилизованное государство?!

Джем, смеясь, предложил отпраздновать прибытие в Шмордон, и весь немногочисленный штат посольства засел в ближайшем ресторане, который носил гордое название «Шмордонский империал». Поскольку в этот раз место начальника службы безопасности пустовало, двери посольства просто заперли на ключ.

– Все равно, – заметил по этому поводу Джем. – Кому надо – и так сюда войдут. А кому не следует – преградят путь шпионы, сидящие в шкафах.

Вечер прошел весело. Шмордонцы были любезны, хозяин ресторана обходителен (особенно, когда узнал об отсутствии Отжима), а то, что Кебаб в туалете набил морду какому-то наглому танковому офицеру, сошло с рук.

Офицер был сильно пьян и сразу после драки забыл о ней, рассказывая посетителям ресторана, будто его разбитый нос вкупе с синяками под глазами – следствие жестокого боя с разгульдяйскими пиратами, в котором он принимал участие, штурмуя своим танком их звездолет.

Утром состоялось торжественное открытие памятника предыдущему императору Шмору Двенадцатому, который, как известно, не стерпев мук поражения от джаппурцев, вставил свою голову в дуло гаубицы и геройски дернул веревочку.

Джем с друзьями наблюдали за этим мероприятием из окон посольства, а для лучшей видимости Кебаб притащил бинокль, который он нашел в вещах Отжима, предварительно хорошо порывшись в них.

На постаменте, вытесанном из черного гранита, стояла настоящая гаубица. Под ее дулом расположилась парочка скульптур, отлитых в бронзе. Шмор Двенадцатый с короной на голове отдавал честь бороде, торчавшей из окошка бомбы Шмора Великого, и лицо его сияло мужественной значительностью.

Рядом с императором застыла фигура изящной красивой женщины. Крылышки, торчавшие у нее из спины, олицетворяли, по всей видимости, ангельскую сущность участницы скульптурной группы. А цепочка, находившаяся в ее руке, и протягиваемая Шмору Двенадцатому, по мнению скульптора должна была еще более усилить вышеназванное олицетворение.

Тем более, что второй конец цепи был прикреплен к затвору гаубицы и желтый блеск металла рождал предположение, что цепь эта отлита из золота.

– Н-да, – протянул Джем. – Они опять наступили на свои обычные грабли. Герб на бомбе Шмора Великого облизывали до тех пор, пока его не покрыли серебрянкой. Теперь будут с цепью взапас целоваться...

– Да пусть хоть обкусывают, – сказал Хапс. – Лишь бы к нам не лезли.

В бинокль было хорошо видно, какое впечатление открытие монумента произвело на присутствующих. Шмореныш, глядя на своих отца и мать, застывших в бронзе, ревел, разбрызгивая слезы по сторонам, а дон Крендель платочком заботливо утирал ему соплю. Император Шмор Тринадцатый тоже смотрел на памятник, но почему-то был спокоен, хотя фигуры, застывшие на постаменте были ему более, чем знакомы, поскольку представляли собой его жену и, соответственно, отца.

Командующий Звездным Флотом Шмордона лорд Надолб был по-военному подтянут и крепко пьян. Он, тупо пялясь на гаубицу, периодически икал и что-то искал рукой в правом кармане своих галифе. Размер форменных брюк был таков, что в их карманах могла спрятаться не одна фляжка с помидоровкой и джаппурцы дружно посмеялись над этим фактом. Адьютант лорда Надолба дон Салабон стоял позади адмирала и удерживал его от падения и порывистых движений.

И здесь Джем, водя биноклем по рядам приглашенных чиновников, вдруг обнаружил знакомое лицо. Он вернул бинокль обратно и понял, что видит рядом с адмиралом Надолбом банкира Крокозябла-старшего. Всем своим видом банкир выражал готовность упасть на мостовую и забыться в глубоком сне. Он периодически закрывал глаза и пытался завалиться на дону Салабона, но тот совсем не зевал и резкими локтевыми тычками приводил Крокозябла в бодрствующее состояние.

Джем решил после окончания торжественного мероприятия позвонить Вискерсу и справиться у того, где банкир отсутствовал столь долгое время. Кстати, а почему не видно графа?

Джем покрутил головой и успокоился. Вискерс также присутствовал на площади, но выполнял свои обычные административные обязанности, выразившиеся в изгнании с мероприятия дворника (бывшего маркиза Шухера), имевшего наглость подкрасться со своей метлой прямо к самому памятнику! Дворник, подняв метлу на плечо, удирал разнузданной рысью, а Вискерс, периодически догоняя маркиза, ускорял его путь добрыми пинками под зад. Когда нога графа попадала в цель, Шухер подпрыгивал, и разлапистая щетка метлы, содрогаясь, казалась развевающимся знаменем.

После официальной церемонии открытия состоялся военный парад, который принимал лично император. Перед трибуной прошли полки пехоты, и проследовала колонна танков.

– У-у-у, сволочи! – процедил Кебаб. – Как их только брусчатка мостовой держит...

Джем, обведя взглядом площадь, увидел бороду, торчавшую из бомбы Шмора Великого.

– Интересно, кто там сидит в этот раз? – спросил он вслух.

– Пропістор Инквизит, – ответил Хапс. – Вчера в ресторане мне бармен рассказал.

Его туда Шмор Тринадцатый закатал как явного коллаборациониста, перепутавшего духовные ценности с мирскими.

– Надолго?

– Черт его знает, – пожал плечами Хапс. – Говорят, император опять секуляризировал церковные земли, а Инквизит предал его анафеме. Верующие пытались в поддержку святого отца организовать митинг на площади, но агенты из Министерства Безопасности Шмордона разогнали их. Вроде бы есть арестованные.

– Много?

– Нет, не много. Тысячи две-три, не больше...

Сразу после окончания церемонии пришлось заняться рутинной работой.

Шпионов, желающих отправиться в Джаппурию на законных основаниях (в виде туристов), накопилось несколько десятков и Хапс с Батоном занялись делом. Хапс выписывал им визы, Батон щелкал шморокамерой, и в заключительной стадии оформления бумаг туристы заходили в специальный кабинет, где Джем ставил свою подпись и большую посольскую печать на выписанные документы.

Шпионы были почтительны и исполнительно-деревянны. Пока они ждали своей очереди, Кебаб выдергивал их парами и в приказном порядке требовал помочь государству, которое они хотят посетить. Таким образом во всем здании была передвинута мебель в нужном Кебабу порядке, вымыты полы и окна, отремонтированы неисправные краны и даже доставлен запас продовольствия (Кебаб послал парочку шпионов в магазин и потом заявил, что потраченные ими деньги – дополнительный курортный сбор, введенный Премьер-министром Морсом всего неделю назад).

Наконец в кабинет Джема вошли два последних туриста. Он поднял на них взгляд и присвистнул. Перед ним стояли Дивер и Сант, которые во время Третьей Шмордонской войны отбывали каторгу на Тринадцатой планете Джаппурии под руководством самого Джема.

– Ба! – радостно вскрикнул посол, вылетая из-за стола. – Вот это встреча!

Он подошел к шпионам и принялся по-очереди пожимать им руки. Дивер, сделав лицо каменным, сказал:

– Нам тоже очень приятно, господин посол.

– Да бросьте вы! – не унимался Джем, искренне веселясь. – Давайте по-простому! Так сказать – по-дружески. Ведь сколько тушенки сожрано, считай, вместе...

Оба шпиона дружно осклалились желтозубыми улыбками.

– Не понял! – удивился Джем. – У вас что, все зубы золотые?

– Ага! – ответили Дивер и Сант хором.

– Я вижу, вам пошли на пользу мешки с золотом, украденные с Тринадцатой планеты, – заключил Джем.

– Ничего подобного! – воскликнул Дивер, у которого от слов посла тут же упало настроение. – Это золото отобрал у нас банкир Крокозябл. А зубы нам поставили по личному распоряжению императора за заслуги перед Шмордоном. Своих-то у нас не осталось...

– И куда же они делись? – спросил Джем, удивленно задрав брови вверх.

– Сожрались вместе с твоими конфетами! – рявкнул вдруг Сант.

– Но это невозможно! – воскликнул Джем, еле сдерживая себя от смеха. – Я же посылал карамельные конфеты, которые можно только сосать. При чем тут зубы?

– Ну, не сожрались, так сосались, – миролюбиво заметил Дивер. – Здорово ты нас поддел!

– Я же говорил, что в рационе конфеты будут, вот и выполнил обещание!

Джем, не выдержав, громко расхохотался. Шпионы, молча глядя на него, совсем не смеялись, потому что скрежетали зубами от злости. Заметив это, Джем заставил себя стать серьезным и заметил:

– Хватит зубами стучать. Они у вас теперь не бесплатные, данные при рождении. От скрежета золото стирается и меньше весит. Не обворовывайте сами себя... Давайте бумаги!

Шпионы протянули визы. Джем, подойдя к столу, подписал их, шлепнул печатью и вернул обратно. Напоследок он поинтересовался:

– Ну что вас опять тянет в Джаппурию?

– Мы там вкалывали в рудниках, – пояснил Дивер. – А теперь хотим отдохнуть как люди.

– Знаю я ваш отдых! – заявил Джем. – Опять нашпионите и поедете туда, где зубы потеряли. Учтите, в следующий раз сосательных конфет не увидите. Клянусь, что буду посылать вам залежавшийся грильяж в шоколаде. Эти конфеты покрепче карамели будут!

– Спасибо за заботу, – поблагодарил Сант с кривой улыбкой. – Но на каторге мы больше не окажемся.

– Поживем – увидим, – пожал плечами Джем...

Дым из шкафа идти перестал и сменился звуками. Послышалось громкое цоканье языком, сопенье и какое-то тихое мычание. Джем, чертыхнувшись, встал с кровати, вдел ноги в туфли и спустился вниз. Зайдя в кухню, он открыл холодильник и вытащил из него кусок копченой колбасы, прихваченной Кебабом из ресторана и недоеденной им же.

Поднявшись к себе в спальню, Джем включил свет, подошел к шкафу и нажал рукой в нужное место задней стенки. Панель отъехала в сторону и взгляду посла представилась темная лестница, уходящая вниз. В этот раз агент Хмырь был более расторопен и успел смыться вовремя, о чем свидетельствовал топот, раздававшийся где-то в подвалах.

Джем положил колбасу на верхнюю площадку лестницы, закрыл заднюю стенку шкафа, выключил свет и улегся в кровать. «Интересно, как он найдет колбасу в темноте?» – возник у него в голове вопрос. «По запаху», – тут же пришел ответ.

Через некоторое короткое время в шкафу раздалось чавканье и сладострастное чмоканье. Спустя минуту звуки завершились громкой двухсторонней отрыжкой, и из шкафа опять повалил густой табачный дым.

«Благими намерениями смазан путь к сортиру», – вспомнил Джем старинное джаппурское выражение. Ему захотелось снова встать, открыть шкаф и, догнав агента, набить его скотскую рожу. Но он поборол в себе этот логичный порыв и вспомнил день сегодняшней. Улыбка непроизвольно тронула губы Джема...

День начался с того, что прибыл посольский джабль из Джаппурии, который в беспилотном режиме прилетал раз в две недели. Батон на предоставленном императором для нужд посольства шморозе съездил в космопорт, куда джабль произвел посадку, и привез почту, которая состояла всего из двух писем.

Толстое, проштампованное кучей печатей, Джем отложил в сторону и вскрыл маленький конвертик, пахнущий розовым маслом, корицей и еще чем-то до одури приятным и волнующим.

Белла сообщала, что все у них с Неллой хорошо, Морс упал в обморок и ему грозит отставка по состоянию здоровья (тоже приятная новость), а беременность королевы протекает спокойней, чем предыдущая. Далее писалось, что Белла с Неллой его любят и с нетерпением ждут возвращения. В письме также находилась странная абстрактная фотография, на обратной стороне которой почерком Беллы имелась надпись: «Это результат ультразвукового исследования. Изучи и придумай имя!»

Джем более внимательно взгляделся в изображение и через несколько мучительных минут, проведенных в раздумье, понял, что видит ребенка, находящегося в чреве матери. Фотография была сделана, когда малыш повернулся к объективу задом. Джем прекрасно видел попку и две раздвинутые в стороны ноги. И между ними маленьким треугольником торчали писун и два крохотных яичка. Да это же мальчик!

– У меня будет сын! – заорал Джем и пустился в пляс, размахивая фотографией.

В кабинет ворвались Батон, Кебаб и Хапс. Увидев скачущего по комнате Джема, они сразу догадались о характере его веселья и дружно поддержали своего товарища. А потом все завертелось и ожидаемо закончилось посещением прежнего ресторана. Вот только офицеров-танкистов в этот раз оказалось двое, и поскольку случай попадал в разряд оптовых, Хапсу пришлось немного помочь Кебабу. Правда, у танкистов нашлась группа поддержки, состоявшая из трех артиллеристов, заседавших у стойки бара. Поэтому к веселью подключился Батон, а затем и Джем. Короче – навешали друг другу хорошо. А потом устроили коллективное подведение итогов с тостами: «За героизм!», «За здоровье императора!» и «Слава танковым войскам!».

Офицеры оказались приятными компанейскими людьми, трезво глядящими на мир с обычной военной тупостью, и потому уже после третьего тоста джаппурцы знали количество танков в Седьмой дивизии и имели полное представление о строении сухопутных войск Шмордона...

Джем, зевнув, хлюпнул носом и решил, что день прожит не зря. Он закрыл глаза, но неожиданно вспомнил о письме с печатями, про которое совершенно забыл. Оно так и осталось валяться в кабинете на столе. «Ну и черт с ним!» – подумалось ему. «Ничего с ним до утра не случится». Но неожиданно Джем вспомнились строки из письма Беллы о Морсе. А вдруг в пакете что-то интересное? Джем встал с кровати и обулся (дым из шкафа тут же перестал идти). Он выскочил из спальни, зашел в свой кабинет и включил свет.

Пакет лежал на краешке стола в том же положении, как его бросили. Джем вскрыл его и, усевшись на диван, углубился в чтение. И чем больше он вчитывался, тем сильнее поднимались вверх его брови. Текст был таким:

«Уважаемый Джем. Прошу отнестись к этому посланию со всей серьезностью, на которую Вы способны. К сожалению, Джаппурия опять в опасности. И спасение ее зависит только от Вас! Предупреждаю: о сути этого послания кроме Вас не должен знать никто.

Вам надлежит срочно покинуть Шмордон и прибыть в Джаппурию. Только одному Вам! Все необходимые на этот случай документы есть в вашем посольском портфеле (в том числе и грамота, назначающая Батона временным поверенным в делах). Поскольку во власти императора помешать Вашему отбытию, операция должна быть проведена тайно.

Посольский джабль запрограммирован на обратный беспилотный полет. Нужно только нажать кнопку. Вот Вы и нажмете. После того, как тайно проникнете на его борт. А Батон сообщит императору о Вашем отбытии через несколько дней, когда джабль будет уже далеко. Причина отзыва – получение новых устных инструкций.

Запас воды и еды в джабле имеется. Приказываю Вам сделать все это срочно!

Премьер-министр Морс.

Примечание.

Для того, чтобы вы не подумали, будто я организовал для Вас какую-нибудь очередную пакость, это послание подписывают еще два официальных лица.

Спикер Парламента Статус Борзый.

Председатель Верховного Суда Казус Сомнительный».

– Черт знает что! – радостно возмутился Джем.

Перед его глазами возникло милое лицо Беллы, и он улыбнулся.

Какая-то непонятная опасность, возникшая для Джаппурии, абсолютно не взволновала Джема, потому что этих опасностей всегда – пруд пруди. А вот возможность слетать домой существенно подняла его настроение.

Вспомнив, что за стенкой служебного кабинета находится спальня Батона, Джем тихо вышел в коридор и постучался к тому в дверь.

– Какого черта?! – донесся из комнаты сонный голос.

– Батоша, это я, Джем, – сказал посол, слегка приоткрыв дверь. – Объявляю тревогу! Разбуди Кебаба и Хапса. Через пять минут собираемся на парадном крыльце.

Спустя указанное время весь штат джаппурского посольства находился на крыльце здания. Дипломатические сотрудники, трясаясь от ночного ветерка, обозревали пустую площадь, и слушали Джема, который тихо зачитывал им секретное послание Морса.

– Но почему мы собрались здесь? – недовольным голосом поинтересовался Хапс.

– Да, – согласился с Хапсом Кебаб. – Почему, например, не в туалете?

– Потому что только здесь нет шкафов, в которых сидят шпионы, – ответил Джем. – И то я не уверен до конца.

Он потопал ногой и прислушался.

– Все равно они обнаружат, что тебя нет в здании, – заметил Батон. – Ночью не зайдешь в спальню – и сразу это заметят...

– А вы распределитесь между собой: кому какая комната. И раз в три-четыре часа хлопайте везде шкафами. Агенты станут сматываться в подвалы, и иллюзия присутствия будет сохранена.

– Идет, – кивнул головой Батон.

– А как мне проникнуть в джабль? – спросил Джем.

– Запросто! – воскликнул Кебаб. – Я сажусь за руль шморовоза, Батон с документами справа, а ты – в багажнике. Заезжаем в космопорт (основание – отправка джаблем дипломатической почты). Мы с Джемом стартуем, а Батон возвращается назад.

– А если на КПП спросят, куда подевался водитель? – задал справедливый вопрос Хапс.

– Батон ответит, что им привиделось спросонья. Все равно у меня до сих пор нет никаких документов. Морс, мерзавец, не прислал. Я не существую на этой планете!

– Стоп! – воскликнул Джем. – Но в приказе написано, что лечу только я!

– А я тебя одного не брошу, – отмахнулся от него рукой Кебаб. – Летим вместе, и все тут!

Через час с небольшим джабль вышел за пределы атмосферы Шморы, а здание джаппурского посольства наполнилось разными веселыми звуками. Хапс, бегая по всем комнатам, лупил дверцы шкафов ручкой деревянной швабры и орал:

– Гадские агенты! Достали! Сейчас я вас всех измочалю!

Периодически прикладывая уши к задним стенкам шкафов, Хапс слышал энергичный топот сапог, наполнявший ходы подземных коридоров. Тогда он садился на один из диванов, хорошенько прикладываясь к большой пивной бутылки и, отдохнув таким образом, опять принимался за прежнее дело.

– Итак, наконец-то мы с вами встретились, – сказал император, прогуливаясь у себя в кабинете вдоль длинного стола. – Мне докладывали, что врачи не могут вас разбудить до конца, несмотря на гору возбуждающих препаратов, которыми они вас пичкают. Но сегодня я получил известие, что все у вас теперь хорошо. И вот вы здесь...

Шмор Тринадцатый остановился и послал барону Крокозяблу взгляд, полный значительности. Но взгляд, как оказалось, до банкира не дошел. Почему? Потому что Крокозябл-старший уже успел заснуть, сидя за столом.

– Бес тебя задери! – тихо выругался император.

Подумав немного, он вдруг поймал озарение, в связи с чем щелкнул пальцами, подошел к двери приемной и, открыв ее, крикнул:

– Вискерс!

– Здесь! – послышался приглушенный ответ.

Вслед за ним раздался гулкий деревянный звук, похожий на удар молотка по крышке гроба. Видимо, граф по своему обыкновению как раз нырнул под стол, и зов императора оказался для него неожиданным.

– Опять под столом пьете?! – с укоризной поинтересовался Шмор.

– Никак нет! – прозвучал бравый ответ. – Карандаш куда-то закатился...

– У вас есть коньяк?

– Сколько угодно, ваше величество! Мне как раз из имения прислали.

– Что-то вам часто присылают. У вас там спиртзавод?

– Нет. Виноградники и самогонный аппарат.

– Было б интересно взглянуть на его размеры... Несите коньяк ко мне в кабинет. И захватите с собой лейку. Да! Еще попросите у медиков клизму. На всякий случай. А то вдруг в горло не пойдет. Пять минут вам!

Ровно через указанный императором промежуток времени Вискерс появился в кабинете Шмора, держа в руках два предмета: обычную клизму и графин с узким горлышком и отбитым дном.

– Что это? – спросил император, насупив брови и имея в виду графин.

– У меня в кабинете клизмы не было, – пояснил граф, ставя сей медицинский инструмент на стол перед поникшим носом Крокозябла. – Поэтому я вызвал врача «Скорой помощи», которая постоянно дежурит возле Железного Дворца, и одолжил клизму у него. А вот лейки не нашлось ни у него, ни у меня. Пришлось отбить рукояткой пистолета дно у графина. И получилось – что надо! Горлышко сосуда узкое и длинное. До самого желудка достанет...

– А коньяк где?

– Вот!

Вискерс проворно выхватил из кармана галифе пол-литровую бутылку коньяка и с неким элементом торжественности водрузил ее на стол.

Император подошел к банкиру сзади, откинул его голову вверх и пальцами рук осторожно разжал Крокозяблу челюсти.

– Вставляйте горлышко ему в рот и лейте тоненькой струйкой, – распорядился Шмор. – Только аккуратно! Не как с его сыном, у которого вы содрали с зада всю кожу, хотя нужен был лишь маленький кусочек!

– Все будет хорошо, ваше величество, – пообещал Вискерс и немедленно приступил к действиям.

Взяв в одну руку графин, в другую бутылку, он резко вогнал узкое горлышко импровизированной лейки в рот Крокозяблу. Не думая ни секунды, граф перевернул бутылку вверх дном и вставил ее в лейку.

– Ох! – удивился его действиям император, но коричневая жидкость уже устремилась внутрь банкира с бешеной скоростью.

Веки Крокозябла распахнулись, как оконные шторы поутру, и сонные глаза несчастного банкира увидели прямо перед своим носом бутылку с крутящимся внутри нее водоворотом, а над бутылкой – сосредоточенное лицо графа Вискерса.

Банкир попытался заорать от ужаса, но по понятной причине сделать этого не смог. Воплю, родившемуся в глубине души Крокозябла, деваться было некуда, и потому он вышел через нос. В кабинете раздался трубный рев, подобный звуку, издаваемому слоновьим хоботом!

Шмор, вздрогнув, непроизвольно отпустил голову Крокозябла, а Вискерс молниеносно выдернул из глотки банкира лейку с бутылкой и поставил их на стол. Несчастная жертва непрофессиональной терапии закашлялась, выхватила из кармана платок и стала судорожно вытирать рот, нос и почему-то вспотевшие глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.